

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1861 году, мнѣ удалось быть на многихъ крестьянскихъ свадьбахъ въ Вологодской губерніи. — и старался записать все, что видѣлъ и слышалъ. Къ счастью, я былъ въ особенномъ положеніи: крестьяне не только не скрывали отъ меня ничего; а сами еще обращали мое вниманіе; — что не всякому возможно. Я желалъ не только описать свадебные обряды; но такъ сказать, представить картину, чтобы читатель, сидя дома и читая мои записки, могъ мысленно перенестись въ ту деревню или село, гдѣ играли свадьбу. До какой степени я въ этомъ успѣлъ, предлагаю на судъ публики; но смѣю увѣрить въ то, что весь рассказъ основанъ на запискахъ, веденныхъ во время моихъ наблюденій. Считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя необходимыя объясненія, которыя были бы неумѣстны въ самомъ рассказѣ.

У крестьянъ Вологодскаго уѣзда отъ сватовства до вѣнчанья проходятъ двѣ недѣли и болѣе, и рѣдко одна. Въ этотъ промежутокъ времени женихъ съ своей родней нѣсколько разъ навѣщаетъ невесту. Дни, въ которые онъ бываетъ у невесты, имѣютъ слѣдующія названія: *смотрины* или *простыя сидины*, *рукобитье* и *праскѣ сидины*, *проводка*, *дѣвичникъ* или какъ чаще говорятъ: *съ прѣттикомъ женихъ прѣзжаетъ*, и послѣдній день — *свадебный*, день вѣнчанья; послѣ вѣнчанья: *отюстки* и *переюстки*. Этими названіями я воспользовался для раздѣленія моего рассказа на части.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ играютъ свадьбу почти одинаково; впрочемъ, — *что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай*: — бываютъ и небольшія измѣненія въ обрядахъ, зависящія отъ мѣстности:

смотря потому, ближе или дальше от города, и кто играет свадьбу: вольные или прежние крепостные.

У крестьянъ, живущихъ ближе къ городу, свадьбы играютъ съ разными церемоніями, заимствованными отъ городскихъ жителей низшаго сословія, и многіе обряды здѣсь постепенно измѣняются. Въ 40 верстахъ и далѣе отъ города считается необходимою, чтобы невѣста, когда просватаютъ ее, во все время до самаго вѣнчанья при постороннихъ людяхъ была покрыта фатой (илаткомъ); ей позволяется немного приподнять ее только тогда, когда жениху нужно съ нею прощаться. Въ 10-ти же и даже, съ 1861 года, уже въ 25 верстахъ отъ города, невѣста можетъ и непокрытая фатой угощать жениха и его родню; и только требуется, чтобы она въ свадебный день и при женихѣ непременно была покрыта фатой. Въ этой мѣстности крестьяне видятъ, что нѣкоторые старинные обряды почти бесполезны и могутъ быть выкинуты или замѣнены другими, болѣе сообразными съ временемъ и духомъ народа; но удерживаютъ ихъ только потому, что онѣ имъ нравятся. Это замѣчаніе особенно относится къ раздачѣ въ дѣвичникъ невѣстой красоты, т. е. кусочковъ лентъ, которыя считаются украшеніемъ дѣвичьей косы, такъ много воспеваемой въ причетахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ приходахъ болѣе отдаленныхъ отъ города до сихъ поръ дѣвушки ходятъ въ сарафанахъ и съ отпущенной косой, которая послѣ замужества причется отъ взора мужчинъ; и потому тамъ невѣсты и подружки ея обращаютъ болѣе вниманія на дѣвичью косу, нежели въ деревняхъ близкихъ къ городу, гдѣ уже дѣвушки носятъ въ косахъ гребенки, повязки на головахъ и даже синиевыя сѣтки¹⁾. И такъ замѣтно, что обычай раздавать красоту, который считался, лѣтъ десять тому назадъ, болѣе важнымъ, нежели теперь, скоро, если не совсѣмъ уничтожится, то много измѣнится. Тоже можно сказать и о другихъ старинныхъ обычаяхъ, которые, мало по малу, или истребляются или измѣняются новыми. Самый разговоръ молодого крестьянскаго народа замѣтно измѣняется: многія слова и выраженія заимствуются отъ городскихъ жителей. Молодой народъ даже нѣсколько перемѣнилъ свой старинный костюмъ на новый, т. е. армякъ или сибирку—на скюртку;

¹⁾ Швен — дворовыя дѣвушки и молодыя бабы, которымъ богатые люди отдають шить платья, рубашки и повязки, говорятъ имъ, какъ разъ слышалъ я, что въ атласному или шелковому платью сворѣе идетъ синевая сѣтка, нежели повязка.

сарафанъ — на платье; стали одѣваться лучше и опрятнѣе, и гораздо чаще умываться. Но къ сожалѣнію, быстро начинаютъ распространяться и роскошь, особенно у подгородныхъ жителей: у дѣвушекъ появились шелковыя и шерстяныя платья, довольно дорогіе уборы на головахъ и перчаткѣ; у молодцовъ — сюртуки, брѣжи, смазные сапоги, жилетки, манишки и галстуки (шелковые платки); на лѣтнихъ гуляньяхъ я даже видѣлъ двухъ, трехъ молодцевъ вольно-отпущенныхъ, въ круглыхъ шляхахъ. Эта роскошь много вредитъ народу и даже заставляетъ некоторыхъ жертвовать необходимыми для хозяйства. Безъ сомнѣнія, городская жизнь преимущественно имѣетъ вліяніе на деревни близкія къ городу; но все-таки это вліяніе мало по малу распространяется и на отдаленныя деревни. Я слышалъ, что крестьяне-старикки сами удивлялись, что ихъ молодой народъ ушелъ такъ далеко впередъ. «Пошѣ», говорили они, «народъ все сталъ дошлый, проворный, ловкій; не то, что лѣтъ пять, али побольше тому назадъ, — мы были тихіе, да робкіе; словно насъ не было, и за дѣло-то какое новое, незнакомое, боялись и взятыся, — ровню, отъ волка бѣжиди....»

Въ Вологодскомъ уѣздѣ бывшіе крѣпостные часто называютъ государственныхъ, удѣльныхъ и вольно-отпущенныхъ крестьянъ *вольными*; удерживаю и я это названіе. Большая часть вольныхъ крестьянъ богаче бывшихъ крѣпостныхъ; и потому они играютъ свадьбы гораздо роскошнѣе, веселѣе и съ различными церемоніями. Напротивъ, крѣпостные играли свадьбы бѣдно, по-просту, почти безъ церемоній; но неизмѣнія обрядовъ. Мнѣ говорили сами крестьяне, что у крѣпостныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сватовство — происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно описано мною, — такъ напр. смотринъ часто не бывало. Онѣ были почти и не нужны, потому что женитьба болѣе зависѣла отъ господъ, нежели отъ воли родителей жениха и невесты. Въ то время, женихъ или отецъ его обращался прямо къ господамъ и, испросивъ у нихъ позволеніе свататься, или даже уже высватавъ у нихъ невесту, приходилъ къ ея родителямъ только для того, чтобы объявить имъ волю господъ. Случалось и такъ, что господа призывали къ себѣ жениха, а чаще его отца и приказывали ему женить сына, и сами назначали ему невесту. Такую же власть имѣли прикащики и управляющіе. И потому свадьбу тогда часто играли кое-какъ, съ горемъ пополамъ, безъ соблюденія всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, такъ сказать, на скорую руку. Тогда не до церемоній, не до столовъ у невесты и не до обрядовъ. — когда дочь отнимали у родителей и насильно отдавали. Богъ знаетъ

куда и за кого. Нечего говорить, сколько было тогда слезъ у невѣсты и ея родныхъ, сколько причетовъ, выражающихъ горе, сколько жалобъ на житье на чужой сторонѣ, у грознаго мужа и лютыя свекрови.

Кстати теперь сказать нѣсколько словъ о причетахъ и свадебныхъ пѣсняхъ.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ очень мало я слышалъ свадебныхъ пѣсенъ: ихъ поютъ только помѣщикамъ въ дѣвичникъ и молодымъ за княжими столами. Кроме этихъ пѣсенъ мнѣ удалось слышать четыре пѣсни отъ дочерей священника и отъ двухъ дѣвушекъ; другія ихъ не знаютъ. Видно, что онѣ занесены изъ другой мѣстности и нѣсколько измѣнены. Въ этомъ уѣздѣ невѣсты и подружки ея больше причитаютъ или лучше сказать, *воютъ причеты*: Я удержалъ то названіе, которое даютъ сами крестьяне, и не имѣлъ права назвать ихъ причитаніями или, свадебными пѣснями, тѣмъ болѣе, что они сами отличаютъ причеты отъ свадебныхъ пѣсенъ. Причеты также какъ и пѣсни измѣняются: старухи говорятъ, что когда ихъ отдавали замужъ, то причеты въ то время были не такіе, каіе теперь. И потому остается мало старинныхъ причетовъ, которые совсѣмъ не измѣнились. И такъ, если бы въ прежнее время было у насъ собраніе народныхъ пѣсенъ, причетовъ и сказокъ и вообще самобытныхъ народныхъ созданій, то по измѣненіямъ въ извѣстную эпоху, мы могли бы судить о характерѣ и духѣ народа и его нравственномъ направленіи.

По моему мнѣнію, надобно спѣшить собрать старинныя народныя созданія, а то они исчезнутъ и будутъ замѣнены произведеніями новаго времени. Я вывожу это заключеніе изъ того, что большая часть народныхъ пѣсенъ Вологодской губерніи, изданныхъ въ 1841 году и собранныхъ Г. Студитскимъ въ той же мѣстности, гдѣ я собиралъ, въ 20 лѣтъ забыты крестьянами и замѣнены другими, отчасти даже стихотвореніями извѣстныхъ нашихъ поэтовъ.

СВАТОВСТВО И СМОТРИНЫ

(простыя сидшны).

Мнѣ привелось видѣть сватовство и смотрины у подкубенскихъ крестьянъ и именно въ деревнѣ Чемодановѣ, въ 10 верстахъ отъ озера Кубенскаго, или въ 15 верстахъ отъ г. Вологды. Чемоданово довольно большая деревня, гдѣ живутъ вольно-отпущенные крестьяне.

СВАТОВСТВО.

Вотъ какъ происходило оно:

Вошелъ въ избу свать, мужикъ лѣтъ подь 40, съ рыжей бородой, въ дубленкѣ; снялъ онъ шапку, помолился образамъ, отѣсилъ весть, кто былъ въ избѣ, по поклону и сказалъ: — Почевали-здорово?

— Спасибо, Кузьма Аядичъ, слава Богу! — отвѣтила хозяйка, старушка, которая стояла у печки и обряжалась.

— Здравствуй, Михайловна! — сказалъ свать, обращаясь къ ней; — ты все еще обряжаешься; поди, часъ одиннадцатый есть, — коли не больше.

— А что подѣлаешь, — праздникъ, съ гостями-то и проспали маленько; — говорила хозяйка.

— У меня есть дѣло до тебя, Михайловна, дѣ вижу че во время пришелъ; — сказалъ свать, а самъ взглянулъ на гостей.

Певѣста, дочь хозяйки, бойкая, хорошенькая дѣвушка, вдругъ перемялась въ лицѣ. Она поняла въ чемъ дѣло, злобно улыбулась, перемигнулась съ подружками и вышла съ ними изъ избы, погрозила кулакомъ свату и промолвивъ подружкамъ

— Еслбъ да власть моя, я-бъ турнула его; не посмѣлъ бы въ другой разъ и въ избу войти. Я-бы его....

Въ избѣ никого не осталось кромѣ хозяйки и свата, который очень радъ былъ, что изъ оставили однихъ; и потому тотчасъ приступилъ къ дѣлу.

— А что, Михайловна, пока молодо, потуда и дорого; у тебя есть телочка *прѣдажна*, а у меня есть куонецъ на нее. Товаръ хорошъ — и купецъ молодець. Пора бы, Михайловна, товаръ-то съ рукъ сбывать, а то не равно залежится.

— Небось, — отвѣтила хозяйка; — она у меня еще молода: всего-то 17-ой годокъ пошелъ.

— Э, Михайловна, я тебѣ и говорю, что молодо, то и дорого. А купецъ — славный; жепцъ — хоть куда; *одинокій*: въ солдаты не забрѣютъ. Отецъ — старикъ богатый: деньги имѣеть. Земли у нихъ много, скота также. И онъ парень — молодой, умный парень, на работу гораздъ. И лицомъ не худъ, дѣвкѣ понравится; развѣ только что смиренъ больно, да ростомъ не великъ, да это не бѣда. А тебѣ что ее держать-то у себя, даромъ-то кормить? невѣстка-то у тебя работающая. Вспояла, вскормила, да въ хорошее мѣстечко съ рукъ и сбыла; пристроила, да и любишься на ее житье. И бѣгать-то не далеко, тутъ рядкомъ и есть: версты три какихъ и тѣхъ нѣтъ. Соскучилась и побѣжала; посадила маленько, поговорила, да и домой. Другой-то, не равно. Богъ знаетъ куда увезеть; въ годъ разъ только удастся свидѣться-то. Да ты, можетъ, знаешь Алексѣя Федорова?

— Съ Рѣдькина, что-ли?

— Да.

— Маленько знаю; да онъ, вѣдь, господскій.

— У, Михайловна, кто понѣ господскій; всѣ вольные, матушка.

— Все-жъ еще не устроены.

— Да что ему устриваться-то; вѣдь, онъ не дворовый; а землю-то у нихъ не отыгуть. Еще хотять прикупить. Вошла бы ты къ нимъ въ избу; поглядѣла бы, каково они живутъ; сердце не нарадовалось бы. — славно живутъ. Дочка-то твоя была бы полной хозяйкой: никого бы не знала окромя мужа, да старика. А старикъ-то ему понѣ в сюртукъ новый сдѣлалъ и сибирку сукодную в полушубокъ новый. Что и говорить, одивъ сынъ, бажко ходить. Такъ что жъ, Михайловна, по рукажъ, что-ли?

— Не знаю, не знаю; Авдѣичъ, я неволю ее не буду; пусть посмот-

рять; слюбится, такъ и съ Богомъ. На меня в то старша-го дѣвъ плачутся, что насильно замужъ отдала.

— И то ладно, пусть посмотритъ. А я тебѣ вѣрно говорю, что лучше жениха не найти; вотъ тебѣ Никола, не найти. Я его хорошо знаю, и отца знаю.

Свать до-го еще говорилъ съ хозяйкой; онъ увѣрялъ, доказывалъ ей, что лучше жениха и быть не можетъ; и что веселѣть бы ширкомъ, да за свадебку. Старуха спокойно его слушала; она знала, что ея дочку не такъ-то скоро уговоришь, если женихъ не придетъ ей по мысли; да и принуждать не хотѣла. А этого свать и боялся, зная, что Аннушка — дѣвушка дорошенькая, *славнухой* *) считается, бойкая дѣвушка, и не такимъ женихамъ, какъ — его, отказывала; и тутъ пути не) будетъ, если мать не приневодитъ. И потому онъ старался, какъ можно болѣе склонять старуху на свою сторону; лучше сказать, досмотривъ заите-ресовать ее женихомъ. Онъ часто повторялъ ей:

— Ты, матушка Михайловна, немножко и припеешь дочку-то; знаешь, поговори ея маленько. Что на нее глядѣть-то; разумокъ-то у ней еще глупый; теперь не любъ, такъ послѣ слюбится. Вспомни, п тебѣ сп-любъ) выдала, да жила же съ Тихономъ, да какъ еще жила-то; другой п до любви не скоро такъ удастся прожить. Что и говорить, дѣвкѣ не лю-бо покинуть подружекъ, да бѣсѣды веселыя; да съ ними-то не вѣкъ же ей жить. Подумай, сама, Михайловна.

— Не знаю, не знаю, Авдѣичъ, повторяла старуха, и хорошъ же-нихъ, да что съ ней подѣзашь. Приходите сегодня насъ поглядѣть, да себя показать. Пусть и старша-го посмотрятъ, поговорятъ, — и она по-глядитъ; а я бы, Авдѣюшка, не прочь отдать за хорошаго человѣка. Я знаю Алексѣя; онъ царень не худой; одно только, что господскій, да п это не бѣда. — Приходите хоть ужъ вечеркомъ; можетъ, и уладится. А ты его, знаешь, приумой, приодѣнь побаше, смотри; да скажи ему, чтобъ посмѣяна былъ. Можетъ, и приглянется; сестрамъ-то приглянулася бы, а онъ ужъ бы ее уговорили.

— Ладно, ладно, Михайловна, спасибо.

Тутъ свать ушеть, и потому ушеть, что въ пѣбу вошли Аннушка в дѣвъ подружки ея.

Свать уходитъ, поклонилъ Аннушкѣ и хотѣлъ было поговорить съ ней; но она отвернулася нъ сторону и заговорила съ подругой. Свать

*) Дѣвушка, которая славится красотой и богатой сѣкурой.

улыбнулся и вышелъ изъ избы; за нимъ и хозяйка. Черезъ нѣсколько минутъ я тихо заговорилъ съ Аннушкой:

— За что ты, Аннушка, сердита на Авдѣича? Вѣдь, онъ тебѣ, кажется, ничего не сдѣлалъ.

— Чтобъ ему на дорогѣ споткнуться, да носъ расквасить.

— Ты, видно, плакала, Аннушка? спросилъ я ее снова, глядя на ея заплаканные глаза.

— По неволѣ заплачешь, сказала она и обратилась къ подружкамъ: давайте-ка пѣсни пѣть, чѣмъ такъ-то сидѣть. Мнѣ этотъ праздникъ; лучше бъ его не бывало.

По всему было замѣтно, что Аннушка не только не хотѣла говорить; но даже и думать о свадьбѣ. Она желала скрыть свою тоску; но не могла.

— Полно, Аннушка, сказалъ я, что горевать; вѣдь, тебя насильно не хотятъ выдать. Я слышалъ весь разговоръ Авдѣича и твоей матери. Она не хочетъ принуждать тебя.

— Знаю я, отвѣчала Аннушка, да Авдѣичъ-то уговорить матушку. Того и гляди, что опять придетъ.

— Да, Аннушка, ты угадала; онъ придетъ, да и не одинъ, а съ женихомъ; тебя сегодня будутъ смотрѣть.

— Сегодня, сегодня, перебила меня Аннушка.

— Да, Аннушка, сегодня; чего жъ ты такъ испугалась? Придутъ, посмотрятъ, да съ тѣмъ и уйдутъ, если тебѣ женихъ не понравится. Вѣдь, ты не знаешь, кто сватается, такъ чего жъ пугаться. Можетъ, и хорошій человекъ.

— Никого мнѣ не надо.

— Этакъ нельзя говорить, Аннушка; можетъ быть, Алексѣй съ Рѣдькина и вправду понравится, такъ и будетъ твой суженый.

— Ха, ха, ха! довольно громко захохотала Аннушка; рябой-то ¹⁾, пѣнтюхъ-то ²⁾ этотъ, пѣстунъ-то ³⁾, чушка-то ⁴⁾, нахмурка-то ⁵⁾, и мнѣ за него идти, чтобъ подружки просмѣяли; не бываеъ этому! Слышишь, Надежа; вѣдь, это пѣнтюхъ рѣдькинскій ко мнѣ сватается!

— Такъ что жъ, Аннушка, онъ женихъ не худой, сказала Надежа.

¹⁾ Нѣсколько рябинокъ на лицѣ.

²⁾ Простой, молчаливый парень.

³⁾ По росту годится въ няньки, въ пѣстуны.

⁴⁾ Кто насупившись и морща сидитъ.

⁵⁾ Кто нахмурившись сидитъ.

— И ты за него! ладно, пусть я одна, заплакала Аянушка. Она какъ не была бойка, а чувствовала, что ей не устоять противъ воли матери.

— Ну, Аянушка, какъ ты еще глупа, я не считала тебя такой. На коня, на воза, а ты ужъ и въ слезы.

Тутъ вошла ея мать и я замолчала; Аянушка отвернулась и вытерла платкомъ слезы.

— Чего и взаправду плачу, сказала тихо Аянушка, пусть, что хотятъ, то и дѣлаютъ со мной; не пойду! Куда бы мнѣ уже спрятаться, али уйти куда? Пусть ищутъ.

— Погляди, Аянушка, наши молодцы на улицѣ, побѣждая, что говорить-то? сказала Надежа.

Аянушка и подружки ея ушли.

Аянушка правду сказала, что свать опять придетъ. Не прошло и 2-хъ часовъ, какъ онъ, раза два взглянувъ въ окно, вошелъ въ избу. Въ этотъ разъ онъ засталъ двухъ старшихъ сестеръ и брата Аянушки, которые воротились изъ гостей. Свать тоже самое говорилъ, что и прежде, и на томъ же порѣшилъ, что надо посмотреть жениха. Свать нарочно приходилъ въ другой разъ для того, чтобы поговорить съ сестрами невѣсты.

Старшия сестры ея были силой выданы и жили замужемъ не очень хорошо, несмотря на то, что мужья были богаты. Онъ часто говорилъ, что по любви выйдешь, такъ хоть годокъ, да поживешь весело и приятно. Одна изъ нихъ, бывши въ дѣвушкахъ, когда сваха пришла ее сватать, спряталась подъ столъ, и такъ какъ уже были сумерки, а огня не подавали, то цѣлый часъ, пока сваха была въ избѣ, просидѣла подъ столомъ. Пояскаля, поискали, да и бросили; а сваха разсердилась и ушла.

СМОТРИНЫ.

Вечеромъ, передъ приходомъ свата, изба безпрестанно наполнялась народомъ, который, то входилъ, то выходилъ: всякому хотѣлось посмотреть смотрины, особенно молодцамъ и дѣвушкамъ той деревни. Но такъ какъ уже было довольно поздно, то они пождали, пождали да и ушли. Остались только три дѣвушки, да родные невѣсты. Незадолго до прихода жениха, Аянушка каталась то на печи, то на полатахъ и заливалась слезами; наконецъ ушла на стѣнникъ и тамъ зарылась въ сѣно. Я и старшая сестра ея на силу могли найти ее и говорить одтѣся. Она улыбалась и, тѣваясь, पुше прежняго принялась плакать.

Тутъ мать замѣтила ей:

— Ладно, Питерянка, больно разборчива стала, тебѣ бы барина, онъ бы присватался, такъ ты, поди, не прочь бы. По барину говядина; по Сенькѣ и шапка.

А одна изъ сестеръ сказала:

— Полно манить-то ¹⁾, женихъ не женихъ, а добрый человекъ. Къ намъ бывало, изъ *отрешнаю* ²⁾ прихода сватались, и то мы такъ не ревли. А я еще, бывало, изрочно оболокусь въ хорошее платье; да двухъ, трехъ жениховъ въ вечеръ и перегляжу. Да отъ всякаго, по твоему, и плакать?

Одѣвшись, невеста сѣла на переднюю лавку подъ божницей. Женихъ, его отецъ дядя, сестра и свать, войдя въ избу и перекрестившись, поклонились Аннушкѣ, которая чуть замѣтно, шевельнула головой на ихъ привѣтствіе. Женихъ сѣлъ около невесты на стороннюю лавку, не много наискось отъ нея, а его родня напротивъ ихъ, по среднѣ избы, на скамейку.

Недолго погода, начались съ невестиною стороны распросы.

— Земля-то у васъ сколько? спрашивала невестина сестра жепихова отца.

— Пока еще душевой надѣлъ, а тамъ прикупить надо будетъ. Я земля-то больше кортомлю. Новѣ у меня было 200 грудъ овса, 140 сусловъ ржи, 40 грудъ ячменю и 60 грудъ пшеницы ³⁾.

— Ладно, а скотинки-то сколько? спросила мать.

— И скотинка есть, двѣ коровки, телушка, двѣ овцы, да лошадка.

— Что на счетъ крестьянскаго заведенія, то у него всего вдоволь; небось, не побѣжить хозяйка въ чужую избу просить, все подъ руками: и посуды, и одежи много, сказала сестра жениха.

— И сани хорошия, и сбруя, и дуга золоченая, есть на чемъ о маслинѣ прокатиться; сказалъ дядя.

¹⁾ Плакать.

²⁾ Отрешнымъ приходомъ называется тотъ приходъ, гдѣ большая часть крестьянъ бѣдныхъ и не живущихъ для дочерей парадочной скруты. Отрешнымъ приходомъ называютъ также Янгосоръ и другіе, въ которыхъ крестьяне въ будни и въ праздники носятъ старинный костюмъ, какъ-то: въсто скрутыя армякъ и сибирки; въсто платья сараеванъ и больше ходятъ въ лаптихъ.

³⁾ Изъ записокъ: слово въ слово.

— Вотъ, все, что на немъ, всё — свое, не чужое, сказалъ свать указывая на жениха.

— Чужова мы не одѣнемъ, замѣтилъ отецъ.

— Сюртукъ-то на немъ съ иголочки, новый; вишь, какъ сидятъ, словно, говорятъ. И жилеточка славная, и манишечка, в галстукъ ¹⁾; рубаха кумачная, питерская; брюки новые, тонкаго сукна, а сапоги — вытѣжные. Сюртукъ-то стоилъ 15 цѣлковыхъ. А посмѣтрѣли бы, дома-то сколько у него добра! говорилъ свать.

— Парень тихій, смиренный: собаки не обидятъ, перебила его сестра жениха; не пьяница: капли въ ротъ не беретъ.

— А чтобы намъ позадить съ вами, сказалъ отецъ жениха, вставая и подходя къ хозяйкѣ, такъ и быть для сына все сдѣлаю: полюбилась ему ваша дочка, просить меня сосватать. Хлопнувъ по рукѣ хозяйки: вотъ вамъ 100 рублей ²⁾ подвозу, шуба суконная, повязка, янтари на шею, в стоизы на свой счетъ подниму в невесту наряжу, какъ надо.

Я взглянулъ на Аннушку, которая все время сидѣла, потупивъ глаза, а тутъ, какъ отецъ жениха всталъ, подошелъ къ матери и ударилъ по ея рукѣ, она подумала, что уже все рѣшено, вздрогнула и поблѣднѣла.

Последнія слова женихова отца, нѣсколько подѣйствовали и на прочихъ. И женихъ сталъ смѣлѣе глядѣть на Аннушку; а до этого времени только скоса и изрѣдка поглядывалъ на нее. А хозяйка улыбнулась и весело сказала:

— Рада, рада, да какъ Аннушка?

Одна изъ сестеръ, взглянувъ на нее, замѣтила:

— Да, надо спросить Аннушку: любовь ли ей женихъ?

Аннушка молчала.

— А что, вѣдь, мѣсто-то не худо посмѣтрѣть, сказала другая сестра Аннушки.

— Да, да, проговорила первая.

— Такъ что жъ, сказалъ жениховъ отецъ, милости просить, хоть завтра приходите.

— Вотъ и ладно, сказала старшая сестра вставая, а мы тутъ подумаемъ, да и сестру-то спросимъ: согласна ли она?

¹⁾ Платокъ пѣтной шелковой.

²⁾ Ассигнаціями.

Всѣ въ избѣ встали; женихъ и его родня, помолясь Богу, простились.

— Ну, вотъ, дура, и смотрины тебѣ, чего плакала? сказала Аннушкѣ старшая сестра, подходя къ ней: стрѣляй ворону, стрѣляй сороку, доберешься и до яснаго сокола: одинъ женихъ прочь, другой всочь. А и этотъ женихъ не худъ, сказала она матери.

— Да, женихъ не худъ, и на лицо ничего, повторяли всѣ.

— Ты замѣтила? Надежа, я-то не высока, а онъ еще ниже меня, шепнула Аннушка подругѣ. Ну, что, я рѣзвѣ не правду вамъ сказала, обратилась Аннушка ко мнѣ, что онъ въ пѣстуны мнѣ годится. Небось, самъ видѣли, какъ онъ насупился, да нахмурился и хоть бы слово ска- залъ, молчалъ: словно, языка нѣтъ, боялся говорить, неравно, народъ насмѣшить.

— Молчи, Питерянка; я знаю, по твоему, глупъ парень, если онъ на одной ногѣ не вертится, перебила ее мать, услыхавъ ея слова: чѣмъ этотъ женихъ худъ, чѣмъ?

— Вѣстимо, городской женихъ лучше, заступилась старшая сестра, у того каждое слово въ стѣну годится¹⁾, шутить пойдеть, такъ любо слушать. Ушныи парень: красно говорить, баско ходить. За то и сто рублей сверхъ наряду просилъ.

— Съ вами пива не сварилъ! то худо говорить, то ростомъ мать, то не баско одѣвается, проговорила мать.

— А что жъ за худова-то выходить, онъ вѣдь рябой, и дуракомъ прозвали, лучше въ дѣвкахъ просидѣть, замѣтила одна изъ подружекъ.

— Знаю, знаю; вамъ хоть хлѣба ни куска, да, знай, дѣтиска безъ уска, молодъ бы только, да хорощъ бы былъ! сказала хозяйка

Во все время, пока женихъ сидѣлъ въ избѣ, на улицѣ у оконъ происходили шумъ, хохотъ и даже драка. Молодцы этой деревни и бабы, толкая другъ друга, гѣзли въ окно поглядѣть жениха; ихъ въ избу не пускали.

МѢСТО СМОТРѢТЬ.

На другой день мать, двѣ сестры и братъ Аннушки отправились къ жениху мѣсто смотрѣть. Женихъ и отецъ его ласково приняли ихъ,

наполни чаемъ и доказали все, что дѣли. Водили ихъ и въ горницу, и въ чуланъ, и наконецъ спустились въ хлѣвъ. Тутъ братъ невесты вышелъ на улицу и, растворивъ ворота, сказалъ:

— Скотинка хороша, да своя ли? Позволь на дѣль узнать: своя, такъ не выйдетъ, а чужая не останется.

Минуть съ пять простоали-ворота настажъ, скоть стоялъ на мѣстѣ.

— Своя, сказалъ братъ, заирая ворота. А было разъ, я эдакъ же, только что растворилъ ворота, скотинка-то и ну выходить со двора на улицу, да и пошла къ той избѣ, откуда взята была на-это время.

Осмотрѣвъ скотину, одежу жениха, сбрую и самую избу, не забывъ даже и глиняной и деревянной посуды, какъ-то: горшковъ, крынокъ, плешекъ, деревянныхъ чашекъ, бадушекъ, рученокъ и проч., невестина родня возвратилась домой, и принялась уговаривать Аннушку. Но какъ не билась она, а никакъ не могла уговорить ее.

— Не любь, да и кончено.

— Ну коли не любь, такъ что и говорить. Ты еще молода, успеешь найти жениха и по мысли; сказала старшая сестра.

— Эй, смотрите, не больно разбирайте жениховъ-то; полюбитея, такъ покажется и ястребъ вмѣсто яснаго сокола, али чортъ яблочкомъ. Не равно, царветя на строгова мужа; а сами, небось, знаете, жена у строгова мужа ходи по одной половичкѣ, на другую не ступай; будь тиха, смирна, а пуще не шали. А такова-ли она? то—то... замѣтила мать.

Тѣмъ и кончились сватовство и смотрины въ Чесодановѣ. Смотрины были по-просту, безъ церемоній, на скорую руку. Хозяйкѣ надотьло угощать жениховъ, потому что къ ея Аннушкѣ сватался уже пятый женихъ въ какіе-нибудь полгода. Миѣ привелось видѣть нѣсколько такихъ дѣвухекъ, какъ Аннушка, и даже болѣе занятыхъ собою, хотя менѣ красивыхъ, и подальше отъ города. Одна дѣвушка, не желая идти за-мужъ за такого жениха, каковъ былъ Аннушкинъ, нажевалась волчьихъ ягодъ; отъ того у ней и губы и во рту изъѣло и *вздернуло* пузырями.

Теперь я расскажу, какъ происходили сватовство и смотрины у дворовыхъ людей сельца Булакова, прихода Благорѣщенья на Ербугѣ, въ 25 верстахъ отъ г. Вологды. Надо замѣтить, что это была первая

*) По вольному, т. е. какъ играютъ свадьбы все вообще вольиче.

свадьба, которую у дворовых играли *по-вольному* ¹⁾; впрочем, потому что они освободились от крепостной зависимости. *Вольная* свадьба играется веселее, нежели свадьба крепостных больше дальних приходов от города; эту свадьбу подгородные крестьяне называют *залиской* свадьбой, по приходу, который находится в лесу, в глуши. В первой свадьбе больше разгула и вольности и больше церемоний; не даром говорят: «у вольных и бедняк, да всю церемонию справить.» И потому в ней несколько меньше слез и горя; особенно когда жених в избе у невесты; при нем даже очень редко и мало првчтывают.

СВАТОВСТВО.

Незнакомый свать, багатко ¹⁾ жениха, побывав несколько раз в селе, где жила невеста, и, пораспросив у соседей о ее поведении, явился к ней в избу.

— Здравствуйте, добрый хозяин и добрая хозяйка и ты, красная ягодка. Каково Господь вас милуетъ, каково живется, можется, все ли в добромъ здоровьѣ?

— По маленьку, добрый человекъ, по маленьку; отвѣтили старикъ.

— Ну, и слава Богу! здоровье лучше всего. А я пришелъ къ вамъ не важному дѣлу. У васъ есть *большой* кормъ, проговорилъ онъ, взглянувъ на невесту, которая пришла, — красotka; у васъ есть продажа, у насъ есть купецъ.

— Милости просимъ, приезжайте посмотреть; сказали старикъ.

— А когда можно приѣхать?

— А хоть завтра; али когда изладитесь, тогда и милости просимъ: будемъ рады гостямъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, хозяинъ и хозяйшка. Позвольте узнать, какъ васъ звать, да величать?

— *Николаемъ* Авдѣичемъ; да *Акулиной* Александровной; отвѣтила старуха.

— А красotka-то какъ? взглянувъ на нее, промолвилъ свать

— *Лизой*, отвѣтилъ старикъ.

¹⁾ Багатко—крестный отецъ.

— А позвошь спросить, добрый человекъ, какъ тебя зовутъ и откуда женихъ? спросила старуха.

— Меня зовутъ Дормидовомъ, а женихъ изъ села Трофимова, скотника сынъ; можетъ, слыхали?

— Какъ те слыхатъ, слыхали.

— Парень умный, тихий, не гулящій: конѣйки не прогуляетъ. Барыня любить. А въ избѣ у стариковъ его полная чаша всего; такіе радужные, простые старики: рады бѣдному послѣднее отдать. А ужъ угощаютъ о праздникахъ, такъ угощаютъ: у нихъ тверезый не уйдешь, допьяна напоютъ. И ѣдятъ все сладкое, да скусное; въ ѣду только и живутъ. Мѣсто славное для вашей красотки; ни кѣмъ не будетъ обижена: ихъ только трое и есть, большихъ-то; а то дочка еще, да та невѣста, поди понѣче отдадутъ, да мальчишечка 13-ти годковъ. Будетъ ваша дочка и сыта и довольна: будетъ какъ въ маслѣ сыръ кататься, ужъ будетъ. И парочка-то какая! взглянувъ на невѣсту; и Лиза-то ваша, я вижу, скромница, да и женихъ-то ужъ куда какъ тихъ, да смиренъ.

— А какой нарядъ-то просать? спросила старуха.

— Да что нарядъ? Коли у дѣвки въ головѣ умъ разхожий, такъ юбка не дорога. Нарядъ-то на грядкѣ, а умъ-отъ на лавкѣ: и нарядна, да глуша. Ужъ, вѣстимо дѣло, одѣнете, какъ нужно и дадите скруту, какая мѣнется. Да объ зѣтомъ завтра съ Тихономъ потолкуете. А коли дѣло у насъ пойдетъ на ладъ, такъ, смотрите, свадьбу играть по-волюму; сказалъ свать улыбаясь. Завтра до сумерекъ ждите насъ; прибавилъ онъ, уходя изъ избы.

Лиза смиренная, тихая дѣвушка, встала изъ-за пряселки и утерла слезинку.

— Чего плачешь, глушная? спросила ласково старуха.

— Матушка! бросилась Лиза на грудь матери; прости меня; я оставлю тебя скоро; я оставлю тебя, батюшка,—и иплыхъ братьевъ и подружекъ оставлю.

— Не плачь, дурочка, цѣлуя сказала мать; и порѣшено будетъ у насъ дѣло; такъ Трофимово, сама знаешь, не далеко; буду ѡбгать къ себѣ,—и ты меня не станешь забывать. А мѣсто и я правду хорошее, богатое мѣсто; женихъ не дуракъ; и отцы почетные. И про нихъ не разъ слыхала вѣсти хорошія: больно хвалить.

СМОТРИНЫ.

На другой день, около сумерокъ, свать, женихъ, его отецъ и богатка (крестная мать жениха) прѣѣхали въ село, въ другую избу; а къ невестѣ послали сказать: чтобы она одѣвалась, что женихъ прѣѣхалъ ее смотреть. Лизу нарядили въ шерстяное платье, надѣли на голову атласную повязку и посадили за столъ подъ божицу на переднюю лавку. Известно, безъ слезъ это не могло обойтись. Она два раза падала на грудь матери и рыдая говорила:

— Видно я тебѣ, матушка, и тебѣ, батюшка; видно я, бѣдная, много вамъ напосадила, много напрокутила. Видно я, горькая, дочка не слухиная, неразумная, не работница, что сбываете вы меня, бѣдную, на чужую сторону, въ чужіе люди. Каково-то мнѣ будетъ жить у нихъ, каково-то привыкать на чужой сторонѣ? ¹⁾

Пока невеста одѣвалась, въ избу собрался народъ: молодцы, дѣвушки, старухи и бабы этого села.

Женихъ и его родня вошли въ избу; Лиза встала; а они помолившись Богу, поклонились ей, старикамъ, братьямъ, сестрѣ ея и всѣмъ, кто былъ въ избѣ. Лиза отвѣтила имъ низкимъ поклономъ.

— Милости просимъ, садитесь; сказали старики, отодвинули столъ и пропустили жениха на его мѣсто. ²⁾ Женихова родня сѣла по лавкамъ; свать около Тихона, женихова отца, и изрѣдка говорилъ ему про невесту:

— Невѣста смирная, славная невеста, не баловница; посмотри-ка, какая, словно, макишь, что тебѣ подушка! едреная... и старики проты.

— Дѣвушки, сядьте за столъ, да позабавьте жениха-то: поиграйте съ нимъ въ карты; сказала сестра невесты.

Подружекъ пять сѣло за столъ. Сестра невесты, Катя, стасовавъ карты, раздала ихъ. Началась игра въ дурачка; дѣвушки старались оставить жениха дуракомъ. Невѣста также играла. Когда кончилась игра,

¹⁾ Записано со словъ.

²⁾ Женихъ всегда садится на смотринахъ за столъ, вѣнское невесты, на стороннюю лавку подъ божицей.

дѣвушки сказали, сколько разъ невѣста оставила жениха въ дуракахъ. Во время игры дѣвушки забавлялись другъ надъ дружкой, также и надъ женихомъ: смѣялись, крали карты, невѣрно ходили; женихъ замѣчалъ и улыбаясь говорилъ:

— Постоите, дѣвушки, вы не такъ ко мнѣ сходили: семерка, осмерка, да девятка.

Дѣвушки хохотали. Если же женихъ не замѣчалъ ихъ плутовства, то онѣ пересѣивались между собой. Когда женихъ и невѣста играли въ карты, женихова родня поглядывала на невѣсту, а невѣстка—на жениха. Кончивъ игру въ карты, дѣвушки вышли изъ-за стола, а свать подошелъ и сказалъ:

— Ну-ка, женихъ да невѣста, встаньте-ко, да выйдите-ко на середку, да пройдитесь; не хромою ли кто изъ васъ?

Женихъ и невѣста, улыбаясь, вышли изъ-за стола и встали поодаль другъ противъ дружки. Невѣста первая подошла къ жениху и возвратилась на свое мѣсто, гдѣ стояла; потомъ подошла къ ней женихъ и отошелъ также на свое мѣсто. Въ это время они не могли поднять глазъ другъ на друга: имъ было смѣшно; невѣста, какъ не была скучна, но раза два улыбнулась. Послѣ этой прогулки они опять сѣли на свои мѣста. А Тихонъ, крестная мать жениха съ отцемъ и матерью Лизы пошли въ чуланъ, смотрѣть ея нарядъ,—приданое. Въ чуланѣ, прежде всего мать невѣсты стала показывать теплую одежду:

— Вотъ салюшъ бѣличій, лонесъ ¹⁾ только сдѣлали, 20-ть цѣлковыхъ стоилъ; вотъ шубка на зайчьемъ меху; бархатная шубка ²⁾; сатиновое пальто и терпное; шинелька на ватѣ ³⁾; телушка ситцевая ⁴⁾ за просто носить. Вотъ платья: шелковое, два шерстяныхъ, три ситцевыхъ, два сарафана; фартучки. Вотъ тутъ 30 рубашекъ ⁵⁾; наснишники съ узорами, съ кружевами; Лиза сама вязала, сама и узоры выкладывала; вотъ простыни, бранная простыня ⁶⁾; скатеретки, бранная ска-

¹⁾ Лонесъ—прошлый годъ.

²⁾ Шубка на ватѣ, покрытая бархатомъ малиноваго цвѣта и опушенная бѣличьимъ мехомъ.

³⁾ Пальто съ тальей.

⁴⁾ Куцавейка.

⁵⁾ 30 рубашекъ—богатая невѣста.

⁶⁾ Довольно тонкая простыня, нарочно для свадьбы ткется: съ лентой изъ атласной розовой матеріи въ четверть ширины и на поларшина съ узорами и кружевами.

терть. А вотъ тѣхъ платки: шали, подшальники, фаты, молчановскіе платки; повязки: бархатная и атласныя; нѣвты, ленты баскія; кушаки: два резинчатыхъ съ пряжками; ленты атласныя, шелковыя, на мѣсто кушаковъ одѣваеъ; воротнички, ленточки на шею. А вотъ коробка съ яитарямъ, съ бусамъ, съ бруслетамъ, съ бархатцамъ ¹⁾, съ сережкамъ, съ кольцамъ. Вотъ и все, что имѣеть моя Лиза, сказала старуха.

— И того довольно, замѣтилъ Тихонъ; пуще невяста-то была-бы кроткая дѣвушка.

— Лиза у меня и водой не помутить.

Вошли въ избу, гдѣ женихъ и невяста съ дѣвушками оиять играли въ карты. Тихонъ сѣлъ около свата, который потихоньку заговорилъ съ нимъ:

— Ну, что? Каковъ нарядъ, какова скрута?

— Ничего, скрута богатая, всего довольно.

— А невяста по нраву?

— Хороша и невяста.

— Такъ чтожь, выйдемъ за дверь, потолкуемъ, да спросимъ Василья: любя-ли ему? да и по рукамъ.

~~Женихъ, Тихонъ, свать и божатка вышли изъ избы.~~

— Ну, что, Василій, любя-ли невяста?

— Любя.

— А тебѣ любя? опять обратица свать къ Тихону.

— Я ужь тебѣ сказалъ, что любя.

— Такъ позовемъ его родню, что она скажетъ.

Свать вошелъ въ избу и обратился къ невястиной роднѣ.

— Пожадуйте на минуточку.

Старпки: братья и сестра Лизы вышли на дворъ.

Тихонъ и женихъ поклонились.

— Любъ-ли вамъ женихъ? сказалъ его отецъ.

— Любъ, отвѣтила родня невясты.

— А коли любъ, такъ и по рукамъ; гольемъ я ничего не прошу, а ужь дары, вѣстимо, надо: миѣ, да сыну-мальчику по рубашкѣ, а жентъ, да дочкѣ по платью; а другой роднѣ, ужь сами знаете, по платку, да по другому.

— Ладно, сказала родня невясты; шлюста просимъ въ избу.

Всѣ вошли въ избу; женихъ посмыѣе сталъ. Одинъ изъ молодцовъ

игралъ на гармонію; онъ подошелъ къ нему и попросилъ ее. Ему дали, онъ заигралъ и сталъ расхаживать по избѣ; видно было, что жениху хотѣлось проиллюстрировать козачьку. Одна изъ старухъ, замѣтя это сказала:

— Погляши-ка, Василий Тихонычъ.

Женихъ хотѣлъ было разокъ пройти; но дѣвушки и молодцы захотали. И одинъ изъ нихъ подошелъ къ свату и шепнулъ ему на ухо:

— Дормидонъ, возьми у жениха-то гармонію, да не вели ему плясать; вѣдь, не хорошо, онъ себя этимъ срамитъ.

— Женихъ, какъ простой малый, которому поправилась невѣста и вѣтъ, кто былъ въ избѣ и даже самая изба, не думалъ, что онъ насмѣшитъ народъ, если возьметъ въ руки гармонію.

Сватъ поспѣшилъ взять ее у жениха и сказалъ на ухо:

— Что народъ-то смѣшини, съдѣ-бы на мѣсто, да крѣдъ-бы на нею, коли манеръ не знаешь; а то дуракомъ прослынешь.

— Милости просимъ за столъ, нашего хлѣба, соли откусать; сказала въ это время сестра невѣсты.

Женихова родня и женихъ сѣли за столъ; невѣста оставалась на своемъ мѣстѣ. Согрѣли самоваръ; налили чаемъ и подали закусить: ~~кулебяку и круглый пирогъ со пшепомъ~~. Невѣста вскакала и кланялась:

— Кушайте, Василий Тихонычъ, кушайте. ¹⁾

— Не просите, Лизавета Николаевна, право сытехонекъ; отвѣчалъ женихъ.

— Хоть маленько отѣдайте; говорила невѣста.

И женихъ, хотѣ-бы какъ сытъ не былъ, долженъ былъ исполнить ея просьбу.

— Кушайте, Тихонъ Поликарповичъ, Миронѣя Иппантьевна, Дормидонъ Васильевичъ; кушайте.

— Не беспокойтесь, Лизавета Николаевна, не просите, много довольны; говорилъ сватъ.

— Кушайте, кушайте... просила вся родня невѣсты, низко кланяясь.

— Проси хорошенько, просп; толкала сестра невѣсту. Лиза подымагась и снова просила.

¹⁾ Записано со словъ. Впрочемъ, чтобы избѣгнуть этихъ объясненій, я разъ и навсегда скажу, что почти всѣ разговоры крестьянъ были записаны со словъ.

Посмотрите-ко, говорили подружки одна другой; женихъ-то какъ ротъ распялилъ; не равно муха влетѣть; бѣды надѣлаетъ.

— Гляди-ка ты лучше, какъ онъ губы-то надулъ, да сморщился, словно, что горькое съѣлъ.

— Это еще что, а поглядѣли-бъ вы, какъ онъ цѣлуется-то; мнѣ привелось разъ о посылкахъ цѣловаться съ нимъ, да закачалась. У него губы-то толстыя, ротъ завсегда розѣтъ; а какъ цѣловаться, онъ еще больше розенетъ его, губами-то и сожметъ твои губы, словно, откусить ихъ хочотъ. И губы-то у дѣвушки все слюнками замочить; а ей, вѣстимо дѣло, не больно-то приятно; скрѣпѣй наровить вытереть ихъ. А знаете, у него цзорту-то гипльемъ вопяетъ; говорила третья дѣвушка.

Панившись чаю и закусивъ, женихъ, его отецъ, божатка и свать вышли изъ-за стола и помоловшись Богу, благодарили невесту и ея родню:

— Спасибо за хлѣбъ, за соль, за угощенья.

— Просимъ не осудить; отвѣчала родня невесты.

— Чтожь, когда на сидины-то приѣзжать? спросилъ жениховъ отецъ.

— А хоть въ это воскресенье; въ три-то дни успедемъ изладиться; намъ не приданое шить: сказала Катя, сестра невесты.

— Ладно, промолвилъ Тихонъ.

Когда ушли они, и народъ сталъ расходиться. Лиза заплакала, подошла къ подружкамъ и сказала имъ:

— Милыя подруженьки, не забывайте своей Лизы при послѣдней порѣ-времячкѣ; жалуйте къ ней.

— Да, голубушки, не забывайте ее; повторила мать.

— Ладно, ладно, огагали подружки и стали выходить изъ избы.

Сватовство и смотрины въ свадьбѣ критическыя, которая играется не по волному, происходили и происходить совершенно также. Переѣзны бывають небольшими, смотря потому богатыхъ или бѣдныхъ родителей невесты.

РУКОВИЦЪЕ И ПРАСКІЯ СИДИНЫ.

На другой день послѣ смотрины, утромъ до свѣту, братья Лизы, подаривъ ей каждый по 3 рубля, поѣхали въ городъ закупать дары, водки, говядины, круичатки, пшена, жезу, изюму и проч. Акулина, мать невесты, испопивъ печь и обрядившись, поставила въ нее даъ большія корчаги солоду для пива и стала съ Катей мыть избу и посуду; старикъ также

пмъ помогать. Лиза пришивала къ полотенцамъ узоры и кружева. Вечеромъ пришли къ невестѣ два посидѣлку подружки и стали также помогать ей шить. Вскоре прѣехали съ покушками и братья Лизы.

Весь этотъ день и слѣдующіе два дня прошли въ хлопотахъ, да въ работѣ. На второй и третій день дѣвушки почти съ утра до вечера сидѣли съ невестой: одѣ изъ нихъ шили рубашки, другія—платье. Во время работы подружки вспоминали о Филиповкахъ, какъ въ прошломъ году гуляли на посидѣлкахъ; или говорили о нарядахъ, кому и что отцы гоговать къ празднику, — Медостову дню; или про молодцовъ: кто взъ нихъ красавче, забавише и удалче. Онѣ придумывали, какъ-бы въ тотъ день, въ который будутъ отгостки, устроить посидѣлку, и отчасти радовались, что выдають ихъ подругу; онѣ надѣялись, что это время проведуть нѣсколько веселче.

— А что, дѣвушки, вѣдь, свадьба-то для насъ все одно что праздникъ: подружекъ соберется много; поболтаемъ, пошутимся, попричитаемъ, поѣдимъ пряниковъ, орѣховъ, пироговъ; и на церемонію-то поглядимъ, вѣдь, свадьба-то *по волюному* будетъ игратья. А пуще всего и молодцы въ свадебный-то день прилугъ; а съ ними весело будетъ; посидѣлку едимъ, — сказала одна изъ подружекъ.

Другія дѣвушки за это на нее накинулись: имъ досадно было, что она сказала белухъ всю правду; онѣ и сами тоже самое думали, да не высказывали:

— Ышь пироги съ грибами, да держи языкъ за зубами; — толкнувъ ее, сказала одна изъ нихъ.

Въ тотъ день въ который назначены были сидины, Акулина, мать невесты, начала обряжаться утромъ ранымъ ранехонько; до свѣту встала печька, были готовы пироги и жаркое. Она испекла 30 пироговъ, пжарпля полбарана, выставила на холодъ въ чуланъ 7 большихъ плошекъ студени, наварила два большихъ горшка щей и мастерски приготовила въ маслѣ изъ бѣлаго тѣста множество различныхъ фигуръ, такъ называемыхъ *невѣстинныхъ конфетъ* какъ-то: иттушковъ, дѣсенокъ, нанеретковъ, лошадокъ, витушекъ и проч. Обрядившіеся и пообѣдавъ, Акулина и Катя пятакали епидекъ изъ лучины, между бревень подъ полавошниками и развѣсили 16 полотенець съ узорами, которые были въ поларшица въ длину и ширину и изображали небывалыхъ птицъ и цветы. Узоры эти сама Лиза ткала и вышивала; а другія невесты, у которыхъ нѣтъ своихъ насшивниковъ, просятъ ихъ у подружекъ на это

время. Вытшиваніемъ полотенець показывается, что невеста трудолюбива; что она ткала и пряла.

Когда уже начало смеркаться, пришла крестная мать и одна изъ замужнихъ сестеръ Лизы и стали одѣвать невесту въ лучшую *скруту*. На нее надели хорошенькое клетчатое, шерстяное платье, черненькій *каленкоревый* фартучекъ, розовый кушакъ, а на голову атласную повязку. Лиза безъ всякаго ~~облилъ и румянъ~~ ~~была блѣдая и румяная~~ ~~дѣвуха~~; но сестры ей нашли, что ей ~~напрямь~~ ~~нужно~~ ~~наблѣдиться~~ и ~~варумяниться~~. И потому, не зная вполне этого искусства, набили толстыми слоями на лицо Лизы мѣлу и раствору краснаго сандала. Одѣвши, невесту посадили въ кутиній уголь, ⁽¹⁾ гдѣ окружили ее приходшія подружки, свои и сосѣдняго села и также нѣсколько бабъ и старухъ.

Только что кончился туалетъ Лизы, который продолжался по крайней мѣрѣ 2 часа, — какъ мальчишки вбѣжали въ избу и закричали:

— Женихъ пріѣхалъ, женихъ; и съ попомъ пріѣхалъ.

Въ избѣ всѣ засуетились. Братья Лизы поспѣшили зажечь на столѣ двѣ свѣчи; а старики вышли на середину избы.

Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ свать и спросилъ:

— Изладились-ли?

— Милости просимъ, — отвѣтили ему.

Свать ушелъ. Женихъ и его родня, скинувъ шубы и оправившись въ сосѣдней избѣ, пошли за сватомъ къ невестѣ.

Вошелъ первый въ избу священникъ съ крестомъ, за нимъ свать, женихъ, отецъ и мать его, фожатка, братъ, сестра, дяди и тетки: и всѣ остановились подъ полатями.

РУКОБІТЬЕ.

Свать подошелъ къ отцу и матери невесты и сказалъ:

— Здравствуйте, свать и сватьюшка, ждали-ли гостей на сегодняшний день?

— Милости просимъ, дождалися, — ~~клянясь~~ отвѣтили старики.

— Ну свать и сватьюшка, чѣмъ вы свое дитя надѣяете?

— Надѣяемъ Пресвятой Богородицей Казанской; — отвѣтилъ отецъ

⁽¹⁾ Тотъ уголь, гдѣ божища, называется переднимъ; а противоположный уголь, напротивъ печи, называется кутинимъ углемъ.

невѣсты.—А вы чѣмъ свое дитя награждаете?—Спросилъ онъ жениховъ отца, который выступилъ изъ подъ-полатей.

— Николой Милостивымъ—отвѣтилъ Тихонъ,

Въ это время подружки вывели невѣсту подъ руки изъ кути къ воронцу. ¹⁾ Невѣста однихъ поклономъ поклонилась жениху и всей его роднѣ и осталась на мѣстѣ, поддерживаемая подъ руки подружками.

Невѣстинъ отецъ, получивъ отъ женихова отца отвѣтъ, чѣмъ онъ награждаетъ своего сына, подаль ему свою руку. Сватъ немного помѣдивъ, съ-разу рознялъ ихъ руки; невѣста зарыдала и подвинулась назадъ; подружки плачевнымъ голосомъ заиричтали:

Не ключики брякнули,
Не замочки щелкнули,
По рукамъ сваты ударили.
Запоручилъ сударь, батюшка
За поруки, за крѣпкія,
За замки, да за желѣзные.
За письма, да въковѣчныя.

ПРАСКІЯ СИДНЫ.

Когда дѣвушки кончили причеть, священникъ отиѣлъ молебенъ и благословилъ всѣхъ крестомъ. Женихъ и невѣста во время молебна стояли вмѣстѣ, за священникомъ, и первые подошли ко кресту; за ними и вся родня невѣсты. Женихова родня подходила ко кресту у себя дома, гдѣ также служили молебенъ передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ. Когда кончили прикладываться ко кресту, священникъ сказалъ жениху и невѣстѣ:

— Поцѣлуйтесь крестъ на крестъ.

Женихъ и невѣста, какъ сказано было, поцѣловались и пошли за столъ. Тогда поцъ и всѣ гости сѣли по своимъ мѣстамъ: женихъ около божницы, по правую его руку невѣста; а по лѣвую подъ божницей поцъ, возлѣ поца отецъ и мать жениха и вся его родня по старшинству; около невѣсты по правую ея руку сваха невѣстина. Гости утѣшишь по мѣстамъ, какъ слѣдуетъ, молча, ждали даровъ.

¹⁾ Въ пазъ два воронца, четырехугольныхъ бревна, одинъ изъ нихъ на краю полатей, доски которыхъ укрѣплены на немъ; а другой идетъ отъ полатей къ переднимъ полавощикамъ и делить пазъ на двѣ части: на передъ, гдѣ передній уголь, божница; и на куть, гдѣ кутній уголь, печка и голбень. Подъ полатами третья часть избы, называемая: у дверей.

Народъ столпившись стоялъ въ куты; впереди были дѣвушки, которыя разглядывали жениха и его родню, въ наряды, и какъ они себя держали за столомъ.

— Посмотри-ка, Дуняша, — тихо говорила одна изъ дѣвушекъ: — женихъ-то какимъ гоголемъ спидитъ; а, знаешь, видно ему отецъ-то сказалъ, чтобы онъ ротъ-то свой маленько позажалъ.

— Итъ, Анна, ты лучше погляди, какъ его ~~ввах~~-то разсѣлась; словно, барыня какая, и носъ подняла, думаетъ: то-ли не я. Экъ, намазалась-то какъ, словно о святкахъ. А нарядилась-то какъ!

— А взгляни-ко сюда, Дуняша, какой этотъ важный, — видно, дядя жениху.

— Видно; а возлѣ-то его жена ему; вишь, какъ нахохлилась, ровно курица на ящцахъ....

— А попь-то, попь-то, толкнула Анну третья дѣвушка: радуется, что дары-то ему будутъ, что попьеть, да поѣсть.

Старуха, мать невѣсты, стояла у сундука, около печки, и, выбравъ подшальникъ (большой шелковый платокъ), страхнула его и покрыла имъ тарелку, которую держала младшая сестра невѣсты. Катя подошла къ столу и подала жениху на тарелкѣ платокъ:

— Извольте принять, Василій Тихонычъ.

Женихъ взялъ платокъ и, поклонившись, отдалъ: положилъ на тарелку шелковый.

Акулина, убравъ деньги, накрыла снова тарелку бумажнымъ платкомъ и Катя подала попу, который цѣкогда не отдариваетъ. После попа подали отцу и матери жениха и всей его роднѣ также по платку. Отецъ и мать отдаривали серебромъ; а прочая родня мѣдью: копѣекъ по 10-ти, 15-ти и болѣе; также и серебромъ, кто богатъ, или хотѣлъ показать себя; какъ напр. жениховъ дядя, котораго дѣвушки называли важнымъ. Онъ, тряхнувъ даренымъ платкомъ, смялъ его и положилъ въ карманъ; не снѣша, досталъ изъ шароваровъ кошелекъ съ серебромъ и, вынувъ изъ него полтинникъ, улыбувшись, взглянулъ на Катю и бросилъ его на тарелку.

— Вся женихова родня въ это время улыбулась: ей пріятно было, что этотъ богачъ имъ близкая родня и что все въ пѣть обратили на него внимание; она гордилась имъ.

Катя, подавая дары, должна была передъ каждымъ, кому подносила ихъ, ждаты съ тарелкой, когда отдарять.

Народъ лѣзъ впередъ, чтобы посмотреть дары, которыми цѣкрыва-

ли тарелки для того, чтобы все могли их видеть. Она также любопытничала, кто сколько полегкиль на тарелку.

— Глядите-ко, подружки, — сказала одна из девушек: — все клали деньги-то тихо, а этот-то богачь, как швырнул; видно, ему деньги-то ил почемъ.

— Эхъ ты, глушая, — замѣтила другая; — знаешь ли ты, для чего онъ такъ бросилъ полтинникъ-то свой? Чтобы онъ забричалъ; что, дескать, вотъ какая родня у жениха.

. После даровъ поставили на столъ самоваръ и чашки; а Катя начала раздирать чай. Жениху и невестѣ подати одну чашку и одинъ кусокъ сахару. Невѣста налила изъ чашки на блюдечко и, откусивъ сахару, хлѣбнула неиного чаю и подала блюдо жениху; а сама встала и сказала:

— Кушайте, Василий Тихошчъ.

Женихъ поклонился, откусилъ сахару, отпилъ чаю и возвратилъ блюдо невестѣ, которая донила остатки и вновь налила изъ чашки на блюдо. Невѣста всегда первая начинала пить чай и донивала остатки. И всякій разъ, подавая жениху блюдо, кланялась и говорила:

— Кушайте, Василий Тихошчъ.

Когда все досыта напились чаю, не выходя изъ-за стола, встали и поклонились старикамъ:

— Спасибо, свать и сватьюшка.

Катя убрала со стола самоваръ и чашки; а старшій братъ ея сталъ угощать водкой: сперва жениха потомъ поца и всехъ гостей. Акулина же мать невесты, въ это время, подала на деревянныхъ кружкахъ двѣ кувельки (пирогъ съ рыбой), на блюдецкѣ разведеннаго въ квасѣ хлѣбу и одну для жениха и невесты вилку.

Невѣстити сваха вскрыла кувельки, вынула изъ нихъ рыбу и раздѣзала ихъ на части.

Невѣста первая взяла вилкой кусокъ пирога, откусила его, встала со своей свахой и, кланяясь, подала жениху, говори:

— Кушайте, Василий Тихошчъ.

Въ то время, когда женихъ, поклонившись, принялъ кусокъ, невеста и ея сваха кланялись поцу и отдельно каждому изъ родственниковъ жениха и, величая ихъ по имени и отечеству, просили кушать.

— Кушайте, сваты и сватьюшчи; говорили, также кланяясь, отецъ и мать невесты.

Женихъ, откусивъ раза два пирога, подъялъ остатки невѣсты, которая и доѣла ихъ. Такимъ-же образомъ они ѣли и рыбу.

Послѣ кулебякъ подали въ двухъ плошкахъ студень съ квасомъ и со смѣтаной и грудю деревянныхъ ложекъ; а жениху и невѣстѣ оловянную ложку. Невѣста со свахой, кланяясь, просила кушать. Послѣ поклоновъ невѣста съѣла и стала съ женихомъ ѣсть студень одной ложкой. Послѣ студени подали щи съ говядиной; потомъ — *ушну* (супъ изъ молока, баранины и яицъ); жаркое: баранину, съ картофелемъ; довольно большой круглый пирогъ со шеномъ, круглый пирогъ съ яицами и наконецъ пироги: съ черникой, съ малиной, съ коринкой и съ изюмомъ, обмазанные сверху медомъ. Ягоды въ пирогахъ были предварительно перемѣшаны съ медомъ. Каждый пирогъ подавали одинъ послѣ другаго; и за каждой перемѣной невѣста и ея сваха вставали и, кланяясь, просили кушать. — Если невѣста забывала эту обязанность; то сваха дергала ее за платье и напоминала ей. Кушанья и пироги подавали мать невѣсты и Катя, и, подавая, также кланялись. Старшій братъ также не забывалъ своей обязанности: усердно потчивалъ по-очередно гостей водкою. Послѣ пирожного, какъ сами крестьяне называютъ сладкіе пироги, подали на двѣнадцать тарелкахъ невѣстины конфекты т. е. пѣтушковъ, лошадовъ, лѣсенки и проч.

— Э, — э, невѣста какая стряпуха; — хвалили и ѣли ея конфекты.

Подъ конецъ стола гости и вся родня женихова; благодаря старанію старшаго брата, порядкомъ подгуляли и сѣзались гораздо веселѣе; разговоры пошли чаще и живѣе. Кончивъ обѣдъ, который продолжался слишкомъ 2 часа; все вышли изъ-за стола, кромѣ жениха и невѣсты и, помолвившись Богу, благодарили невѣсту и всю ея родню.

— Не осудяте на хлѣбѣ, соли; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — отвѣчали имъ.

Гости отошли въ сторону и сѣли на лавку, а женихъ насыпалъ на двѣнадцать тарелокъ кедровыхъ, шпанскихъ и казенныхъ орѣховъ, пряниковъ, рожковъ, винныхъ ягодъ, черносливу, изюму и *праскиныхъ* конфектъ, — въ красивыхъ бумажкахъ и съ грамотками. Всего было куплено рубля на три. Женихъ, кланяясь, просилъ невѣстину родню отвѣдать его гостинцевъ. Подходилъ по старшинству: сперва отецъ, потомъ мать и т. далье. Когда женихъ, подавая тарелки одну за другой, просилъ братью каждого гостинца, дѣвушки бросали ему изъ кути зайчика, сѣбянаго заранѣе изъ платка и изукрашеннаго шелковыми лоскутками и съ сержками въ ушкахъ. Женихъ и вся родня его поглядѣли, какъ

зайчикъ былъ съдланъ, и похвалили; а женихъ въ платокъ, брошенный нарочно вмѣстѣ съ зайчикомъ, завязалъ гостинцевъ и передалъ его вѣ-
кутъ. Другой разъ покушаютъ нарочно бумажнаго зайчика съ золотыми
ушками, котораго женихъ оставляетъ у себя. И кромѣ того ставятъ
передъ женихомъ барашка изъ *отпки* ¹⁾ изъ ржанаго тѣста. Послѣ не-
вѣстной рѣдн женихъ потчивалъ подружекъ. Въ двѣушки, сперва
свои (т. е. изъ одного села съ невѣстой), а потомъ и чужія, подходили
къ столу и брали понемногу каждаго изъ гостинцевъ.

Когда женихъ увидѣлъ, что больше уже не кому подходить къ сто-
лу, попросилъ у невѣсты платокъ, высыпалъ въ него оставшіеся гост-
тинцы и отдалъ ей; а та передала своей свать. Наконецъ женихъ и
невѣста со свахой вышли изъ-за стола.

— Благодаримъ покорно за хлѣбъ, за соль, за угощенья, батюшка,
матушка, братцы, сестрицы и всѣ вообще. — говорилъ женихъ,
клянясь.

Прочіе гости встали съ лавки и, также клянясь, благодарили. По-
молвившись Богу и простившись, стали они выходить за попомъ и жения-
хомъ изъ избы. Невѣста до дверей провожала жениха: шла съ нимъ
рука за руку; а у порога они простились. Невѣсту подружки подхватили
подъ руки и увели въ кутъ.

Черезъ нѣсколько минутъ женихъ и свать воротились въ избы, че-
рекрестились и поклонились всѣмъ однимъ поклономъ. Свать, улыбув-
шись, сказала:

— Почевали — здорово? бѣда: шапки забыли.

Имъ подали шапки, которыя они нарочно оставили; а невѣсту вы-
вели подружки изъ кути на середину избы и подали ей тарелку съ бу-
мажнымъ платкомъ. Невѣста нѣсколько подвинулась къ жениху и, по-
давая ему платокъ, сказала:

— Извольте принять, Василій Тихонычъ.

Женихъ, поблагодаривъ, отдарилъ серебромъ. Мать взяла у невѣсты
тарелку съ деньгами; а ей подала другую съ другимъ платкомъ для
свата, который отдарилъ на шикъ мѣдью. Мать взяла деньги. Женихъ,

¹⁾ Отпкой называютъ крестьяне прѣсное ржаное тѣсто, изъ котораго
дѣлаютъ они: рогульки, мучники и сочники. Рогульки — небольшія лепѣшки
съ творогомъ, катрофельной кашей, пшенной и овсяной крупой. Мучники
гораздо толще рогулекъ; они болѣе похожи на ватрушки, и тонкимъ слоемъ
обливаются жидкой гороховой кашней. Сочники — тонкіе полукруглые пи-
рожки съ рѣпой.

прощаясь съ невестой, поцѣловаль ея крестъ на крестъ и обратился, кланяясь, къ ея отцу и матери:

— Батюшка и матушка! поили, кормили до возраста, попойте, покормите до злата вѣнца; не заставляйте ея ни толчи, ни ~~молоть~~, ни ткать, ни прасть.

Женихъ и невеста, помолясь Богу, пошли изъ избы. У порога невеста поклонилась уходившему жениху и зарыдала; а подружки подхватили ея подъ руки и всѣ съ ней запричитали:

Не коря, я покорилась,
Не клоня, я поклонилась;
Что чужому-то чуженину,
Чуже сыну отцекому
И грозь молодецкой.

Кончивъ причеть, подружки стали разливать невесту; и ужь сняли платье и повязку, какъ мать подошла къ ней, накрыла платкомъ и посадила въ куть, въ самый уголъ. Невѣста, всплеснувъ руками, зарыдала и запричитала съ подружками:

Какъ покрыла родна матушка
Тонкимъ, бѣлымъ полотенечкомъ;
Посадила-то родимая
Меня въ куть да подъ окошечко. —
На дубовую на лавочку,
За бранную занавѣсочку.
Не вѣзла-то родимая
Далеко ходить, — разхаживать,
Широко глядѣть, — разглядывать;
Только дала мнѣ родимая
Мнѣ единую половочку.
Мнѣ и ту да коротешенку:
Отъ куты да только до печи,
Отъ печи да до кадучечки,
До кадучечки дубовыя,
До ковша да до класоваго
До воды да до ключевыя,
До подотенца миткалиннаго,
До Спаса Пречистаго,
До Пресвятѣи Богородицы.

Послѣ ятого причета мать подошла къ невестѣ, села возлѣ и обняла ея. Невѣста запричитала съ подружками:

*) Въ причитахъ тѣ слова, которыя у меня напечатаны съ окончаніями на *аю*, такъ и произносились.

Я гораздо тебѣ, матушка,
 Я много надосадила,
 Я много да напрокучила;
 Я сусекъ хлѣба выела,
 Я другой да икриторила;
 Я колодець воды выпила,
 Я другой да неполивала.

Когда подружки кончили причитать, мать невѣсты посадила ихъ за столъ и накормила остатками пироговъ и щей. За столомъ дѣвушки безпрестанно повторяли:

— Ну и сидины, славныя; знатныя сидины!

Бабы, старухи и чужія дѣвушки уже ушли; а такъ жажъ уже было за полночь, то и свои дѣвушки, изъ одного села съ невѣстой, поѣвши, тотчасъ разошлись.

Мать подошла къ Лизѣ, сняла съ нея платокъ и, прослезившись, сказала:

— Ложись спать, мое дитятко ясное.

Лиза не вытерѣла, встала и ушла на грудь матери и горько зарыдала.

Я видѣлъ свадьбу крѣпостныхъ, которая играется не по волюму; въ ней сидины проходили иѣсколько иначе. Во первыхъ пона не было; почему надобно сказать, что онъ очень рѣдко бываетъ на сидинахъ; во вторыхъ, когда ударили сваты и рукавъ, то мать тотчасъ закрыла невѣсту платкомъ; а подружки, подхвативъ ее подъ руки, запричитали: « Не ключики брякнули » и увели въ куть, гдѣ невѣста, оставаясь подъ фатой до конца сидинъ, продолжала причитать: « Покрыла родна матушка. » Этотъ причетъ и первый составляли одинъ причетъ. Только при прощаньи съ женихомъ подружки выводили невѣсту изъ куты до воротца и приподнимали немного платокъ, чтобы можно было ему, прощаясь, поцѣловать невѣсту, и тотчасъ же опять зарывали ее и уводили въ куть. Такого роскошнаго стола не было; женихъ, отецъ его, братья, сестры и свать просто закусывали и потомъ потчивали своими гостынями. Однимъ словомъ, не было такой церемоніи и роскоши, какъ у вольныхъ. И потому сидины въ этой свадьбѣ не назывались *праскими*, а просто сидинами.

ПРИЧЕТЫ НЕВѢСТЫ И ПОДРУЖЕКЪ ИЛИ ПРОМЕЖУТОКЪ ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ПРАСКНИИ СЯДНИМИ И ДѢВЧИНИ- КОМЪ.

На другой послѣ день праскиихъ сядни въ понедѣльникъ, когда смерк-лось, дѣвушки, молодые бабы и старухи того сельца пришли къ невѣстѣ на посвѣтку. Невѣста, покрытая фатой, и наклонившись, сидѣла въ кути и тихо плакала. Подружки, поздоровавшись съ ней, сѣли возлѣ нея.

Минуть черезъ 10, невѣста, качая головой, въ полголоса, самымъ жалостнымъ, протяжнымъ тономъ запричитала. Дѣвушки и бабы одна за другой стали приставать къ ней помогать причитать. Причетъ былъ отцу, который со словъ: «я, родимова батюшку» подошелъ къ невѣстѣ со слезами на глазахъ и наконецъ, слѣдуя словамъ причета, сѣлъ возлѣ нея. Невѣста, поднявъ нѣсколько платокъ, обвила руками отца; а старухъ, обнявъ ее, опустилъ голову на ея грудь. Сосѣдняя дѣвушка поправила платокъ и закрыла ихъ обонхъ. Вотъ что причитали подружки:

Открою, молодешенька,
Открою, зеленешенька,
Тонко было полотечко;
Поглажу я, молодешенька,
Вдоль по свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ;
Поглажу я, молодешенька, —
Сквозь туманъ, да горючи слезы;
Огляжу я, молодешенька,
Моего роднова батюшку.
Ужь ты, свѣтъ, да родный батюшка,
Мое красное-ты солнышко!
Ты послушай, родный батюшка,
Я объ чести тебя просить буду:
Подойди-ко, родный батюшка,
Ты ко мнѣ, да къ молодешенькѣ;
Ужь ты сядь-ко, родный батюшка,
Ию мою да руку правую;
Подержи-ко, родный батюшка,
Усердцѣ да у ретиваго,
У лица да у бумажнаго;
Поучи-ка, родный батюшка,
Ты къ уму меня, ко разуму,
Ко всему меня, ко хорошему.

*) Слово-родной выговаривали такъ: родный

Ужь какъ жиѣ, да молодешенькѣ,
 Ужь какъ жиѣ, да зеленшенькѣ)
 Какъ и жить да во чужихъ людяхъ.
 У чужова/отца, матери,
 У чужова-то чуженина,
 У чужа сына отецкаго
 У грозы да молодецкой:
 Я дитя да не ученое,
 Я дитя да не тореное,
 Я невѣста да не взрослая
 Я съ добрымъ людямъ не сверетная.

Во время причета невѣста и отецъ, качаясь изъ стороны въ сторону, рыдали. Рыданія невѣсты же давали ей причитать, только изрѣдка слышались нѣкоторыя слова причета. Всѣ, кто былъ въ избѣ, не могли, слушать и смотрѣть хладнокровно, также плакали и утирали слезы платкомъ, или рукавомъ, или фартукомъ. Дѣвушки кончили причитать, а невѣста и отецъ все еще не разставались. Хотѣли было рознять ихъ; по невѣста еще крѣпче прижалась къ отцу и не выпускала его. Наконецъ силой отпѣшили ея руки и освободили отца. Нѣсколько отдохнувши, подружки опять начали этотъ причетъ, только матери. Слова: *родный батюшка*, выкинули и замѣнили словами: *родна матушка*. Сцена во время причета происходила таже самая, только слезъ и рыданій было гораздо болѣе. Подружки таже насилу могли оторвать невѣсту отъ матери. Слышно было, хотя глухо, сквозь рыданія, какъ мать, разнимая за спиной невѣсты свои руки и опять крѣпче прижимая ее къ себѣ, цѣловала и прогижно, огрывками, произносила слова:

— Ой, ты мое дитятко,
 Ой, ты мое дорогое!
 Плачь ты, голубушка,
 Плачь, золотая
 Тебѣ недолго поплакати,
 Недолго со мной, со старухой, пожити;
 А во чужихъ людяхъ, моя голубушка,
 Во чужихъ людяхъ, будь покорна,
 Будь покорна, да поклонлива,
 Будь тиха, да будь смиренница.
 Ой, во чужихъ людяхъ надо жить уявючи,
 Жить уявючи, да разумѣючи.
 Чужіе люди словно темный лѣсъ,
 Словно туча грозная.»

Слова эти еще болѣе раздражали невѣсту, заставляли ее громче рыдать и крѣпче ухватываться за мать и прижиматься къ ней.

Съ полчаса прошло времени цѣлѣ этихъ тяжелыхъ причетовъ, пока дѣвушки могли успокоиться и обратиться съ новыми силами. Въ изѣще раздавался плачь, какъ невѣста снова запричитала; подружки другъ за дружкой стали ей помогать. Причетъ былъ замужней сестрѣ, которая въ свое время подошла къ невѣстѣ и также сѣла возлѣ нея и обняла ее. Вотъ причеть:

Мяъ не хорошѣ, не пригожѣ,
Во горѣ сидѣть безъ плаканья,
Во кручинѣ безъ причитанья:
У меня я, молодешеньки,
Будто горюшка нѣту-тко,
Будто плакать-миѣ не о чемъ,
Причитать да будто нечево,
Прикликать да будто неково.
У меня есть, молодешеньки,
И голубушка, мила сестра.
Ужъ ты, свѣтъ, моя мила сестра,
Мое красное ты солнышко!
Подойди—ко къ молодешенькѣ,
И сядь-ко, моя ты голубушка,
По мою да руку правую,
Мы подумаемъ мила сестра,
Мы съ тобой да думу крѣпкую,
Крѣпкую да за—единую.
У тебя, моя голубушка,
~~Много ума, да много разума.~~
~~Ты подумай-ка, голубушка,~~
Про меня, да молодешеньку,
Про меня, да зеленешеньку:
Нѣтъ ума, да нѣтъ и разума.
У тебя, моя голубушка,
Моя милая ты сестрица, ¹⁾
Много ума, да много разума;
Нажилась, моя голубушка,
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженина,
У чужа сына отсѣдкаго
У грозы-то молодецкой.

Этотъ причеть также сопровождался слезами и рыданіями, только нѣсколько легче. Немного погодя, невѣста запричитала старшему братцу:

¹⁾ Во всѣхъ причетахъ, гдѣ встрѣчается слово сестрица, оно выговаривается съ удареніемъ на буквѣ е

Отокрою, молодешенька,
 Отокрою, зеленешенька,
 Тонко было дозотенечко;
 Погляжу я, молодешенька,
 Вдоль по свѣтлой свѣтлицѣ,
 По столовой новой горницѣ;
 Огляжу я, молодешенька,
 Сокола да брата милова.
 Ужь ты свѣтъ, да соколъ ¹⁾ милый братъ,
 Мое красное ты солнышко!
 Ты послушай, соколъ милый братъ,
 Я объ чехъ тебя просить буду.
 Поинизку да буду кланяться:
 Ты возьми, да соколъ милый братъ,
 Ты узду, да недоузлочекъ,
 Сидѣлочко да не-сѣдланное;
 Ты поди-ко, соколъ милый братъ,
 Ты на свой да на широкой дворъ,
 На конюшню, на столлое.
 Ты-возьми-ко, соколъ милый братъ,
 Ты коня да неѣзжанова.
 Ужь ты съѣзди, соколъ милый братъ,
 На чужую, дальню сторону,
 На людѣйку на проклятую.
 Припади-ко, соколъ милый братъ,
 И ко листу и ко дереву;
 Поспроси-ко, соколъ милый братъ,
 Ты у старова и малова.
 Про чужова-то чуженина:
 Что не ѣсть-ли чужій чуженецъ —
 Онъ и пива-то пьянова,
 И вина-то зеленова?
 Не играсть-ли чужій чуженецъ
 Онъ во листья во бумажные?
 Не сидѣть-бы молодешенька
 Съ вечера да до полуночи,
 Со полуночи до бѣлова дня;
 Мнѣ не ждѣть-бы молодешенька,
 Мнѣ чужова-то чуженина
 Со бесѣды со веселыя;
 Не ронить-бы молодешенька.
 Мнѣ свои да горячи слезы.

Когда кончили причетъ, мать подошла къ невестѣ и, утирая слезы,
 сказала:

¹⁾ Въ причетахъ брату въ словѣ соколъ удареніе на первой буквѣ о;
²⁾ Во всѣхъ причетахъ, гдѣ есть слова проклятую, проклятой, то онѣ
 произошлись съ удареніемъ на буквѣ и.

— На сей разъ, Лиза, и довольно причитать-то; устала, поди-ко, да и подружки-то устали; будетъ время напричитаешься, заплачешься; побереги слезъ-то..

Невѣста махнула головой.

— Ладно, матушка.

Мать отошла прочь.

— Спасибо, мои милыя подруженьки, спасибо вамъ, голубушки; спасибо, что пришли, да попричитали, поплакали со мной; — сказала невѣста, низко кланяясь.

— Ай, да и дѣвушки! ай, да и подружки, — вѣя мастерицы! — повторяли старухи: — спасибо, спасибо; — хоть намъ старухамъ поплакать удалось. А мы и не ждали, и не гадали отъ своихъ дѣвокъ такой рыси. Откуда только научились онѣ, набрались такой удали? Причитали, словно въ сердце вливали, слезы сами катились; а что больше плачешь, больше хочется....

— Ужь мастетери, мастетери, что и говорить! — перебилъ ихъ младшій братъ невѣсты, усмѣхнувшись.

Дѣвушки разболотались.

— Экой балабурясъ какой! ужь уснѣлъ подхватить; — все бы шутить только! — замѣтили, улыбаясь, старухи. — А славно поплакали, невѣстѣ честь, прибавили онѣ.

Замѣтно, что нашъ народъ любитъ поплакать. Онѣ сейчасъ готовы лить слезы, которыя у него удивительно скоро являются, и сейчасъ-же готовы отъ души смѣяться.

Дѣвушки и невѣста нарочно *устанавливаютъ* ¹⁾ новые причеты, для того, чтобы болѣе поплакать. А то что за свадьба, на которой причитать не вричаютъ, плакать не плачуть.

— «Э», говорятъ старухи, «что къ невѣстѣ мати, коли у ней некому причитать и не съ чего поплакать; лучше дома сидѣть.»

Невѣста подъ жалобный голосъ, или лучше сказахъ, подъ вой причета невольно начинаеть болѣе и болѣе рыдать, плакать, разводитъ руки и чаще качаться изъ стороны въ сторону со своей матерью или сестрой. Отъ этого старухи и всѣ, кто въ избѣ, начинаютъ рыдать вмѣстѣ съ невѣстой; а молодцы и мужички, не желая видѣть этой горестной сцены, чаще выходятъ изъ избы. И такъ, чѣмъ болѣе причетовъ, тѣмъ болѣе и слезъ, а когда болѣе слезъ, тогда пріятнѣе старухамъ и род-

¹⁾ Какъ онѣ сами выражаются.

вымъ невѣсты: «станешь плакать за столбомъ, не станешь плакать за столбомъ», говорятъ онѣ.

Во вторникъ дѣвушки, получивъ наканунѣ похвалу отъ старухъ, постарались придти къ невѣстѣ пораньше: тотчасъ послѣ обѣда. Невѣста, покрытая фатой, уже сидѣла на своемъ мѣстѣ и плакала, подружки подошли къ ней.

— Спасѣно, милыя голубушки, что не забываете вы меня бѣдную, — сказала невѣста, кланяясь.

Немного погодя, пришли съ пряселками и старухи и бабы.

Невѣста, качаясь, часто поднимая голову и млоая руками, тихо и отрывками заирчитала. Одна изъ близкихъ подружекъ обняла ее и стала помогать причитать:

Ужь вы, сдѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Души, красныя дѣвицы! *) —
Подсобите-ка, голубушки,
Мнѣ горе да погоревати. —
Горькихъ слезъ да приурочити,
Мнѣ причетовъ приустанити,
Живства **, голоса повынести
На широкую на улочку
Изъ высокова-то терема.
Ужь какъ батюшковъ высокъ теремъ
При большой стоитъ дороженькѣ,
Что при большой, да при широкой.
Какъ по этой по дороженькѣ
Ѣдутъ конные и пѣшіе,
Холостые, не женатые;
Говорятъ рѣчи хорошія:
Это чья, да плачеть дѣвица,
Это чья да раскрасавица?
Ей и плакать-то надобно,
Причитать-то ей и есть объ чемъ
При послѣдней порѣ-времячкѣ,
При концѣ да житья дѣвичья,
Дѣвичья да украшеньица.

При словахъ: «Ужь какъ батюшковъ высокъ теремъ», и прочія, дѣвушки подхватили и продолжали до конца.

*) Слова дѣвица произносили съ удареніемъ на букву *и*, а слова дѣвчья на букву *я*.

**) Громкаго.

Послѣ этого причета начали причитать отцу, матери и младшему брату. Въ время причетовъ были тѣ же сцены, тѣ же слезы и рыданія, какія были наканунѣ. Отцу, матери и брату тоже причитали, что и вчера.

Кончивъ причеты, дѣвушки отдышали.

— А что, Анза, ты-бы маленько приодѣлась; не равно прѣѣдетъ женихова сестра, аи слѣзъ оиѣ прѣѣдетъ; — сказала мать, подбѣдя къ невѣстѣ.

— Пожалуй, матушка, — отвѣтила она.

На невѣсту издѣли ивовенское ситцевое платье, повязку и посадили въ куть. Только что успѣла она одѣться, какъ изъ сосѣдней избы пришли сказать, что золовка (женихова сестра) прѣѣхала съ своей подружкой.

— Скажи, милости просимъ. — Дѣвушки съ невѣстой запричитали:

~~Ужь и чѣе же засидѣлася,~~
На кого я заглядѣлася?
Заглядѣлася я, молодешенька,
Я заслушалась, зеленешенька,
Я у тетушекъ да басенокъ
У подруженекъ да пѣсенокъ.
Какъ сидятъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
У нихъ буйныя-то головы,
Больно гладко да учесаны;
У нихъ русыя-то косынки
Во узоры да ушестаны,
Во двѣнадцать да во ярусовъ.
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ;
Подъ конецъ да русыхъ косынекъ
Семишелковыя ленточки;
Ужь какъ я, да молодешенька,
Ужь какъ я, да зеленешенька,
Я сижу да не постарому,
Говорю да не попрѣжнему:
Порастрепана руса коса,
Поразбились русы волосы;
Что на каждой волосиночкѣ
По горячей по слезиночкѣ;
Подъ конецъ да русой косынеки
У меня да дѣвья красота, ')

*) Слово: красота въ причетахъ и разговорахъ произносится съ удареніемъ на букву а.

Двѣтъе *) да украшеньце
За маленько да держится,
За кроху да не огорвется.
Ужь какъ баба-то старость
Она кика-то бѣлая,
Волокита *проклитая.

Когда золовка и подружка ея вошли въ избѣ, дѣвушки перестали причитать. Золовка съ узломъ въ лѣвой рукѣ и подружка съ рученкой, помолившись Богу и поклонившись вѣкъ въ избѣ, подошли къ невѣстѣ, которую подружки подвели изъ куты къ воронцу и приподняли съ ея лица платокъ. Золовка взяла въ правую руку у подруги рученку и, подвигаясь ближе къ невѣстѣ, сказала, кланяясь:

— Извольте принять гостиницу, Лизавета Николаевна.

Невѣста, кланяясь, взяла гостиницы и передала матери.

— Здравствуйте, Лизавета Николаевна, каково поживаете?— сказала золовка, когда отдала гостиницы невѣстѣ.

— Благодаримъ покорно, Мироней Тихоновна, какъ вы? — отвѣчала невѣста, низко кланяясь.

Нѣсколько разъ поклонившись другъ другу, золовка и невѣста подѣловались.

Мать, положивъ на воронецъ узелокъ и поставивъ рученку на лавку, подала невѣстѣ на тарелкѣ кусокъ ситца на платье.

Невѣста, кланяясь, подала его золовкѣ; говоря:

— Мироней Тихоновна, извольте принять и отъ меня подарокъ.

Золовка приняла и, поблагодаривъ, отошла прочь. А невѣсту подружки закрыли платкомъ и увели въ куты, гдѣ и запричитали:

Какъ вчера да объ-эту-пору,
Пораня да маленько,
Пролетѣлъ да младъ ясень *) соколъ
Мимо батюшкина терема,
Мимо матушкина высека,
Мимо кутнева окошечка;
Черканулъ да младъ ясень соколъ,
Что своимъ да правымъ крилышкомъ —
Онъ о кутисе окошечко;
Говорилъ да младъ ясень соколъ
Человѣчьимъ жистнымъ голосомъ:
Ты не плачь, да красна дѣвица,

*) Вездѣ съ удареніемъ на букву е.

*) Слово ясень съ удареніемъ на букву е.

Не рыдай, да лебедь былая!
 Тебѣ плакать-то не о чемъ,
 Причитать да тебѣ не по чемъ:
 На чужой, на дальней сторонѣ,
 У чужова-то, чуженина
 Три поля пшени насѣяно,
 Весельемъ, да огорожено,
 Радостью да исподпирано,
 Медовой росой поливано.
 Какъ вечеръ да объ-эту-пору,
 Пораня да малешенько,
 Пролетѣла птичка ласточка
 Мимо батюшкина терема
 Мимо матушкина высока,
 Мимо кутнеса окошечка;
 Черканула птичка ласточка
 Что своимъ да правымъ крылышкомъ,
 Чтѣ о кутнее окошечко;
 Говорила птичка ласточка
 Человѣчьимъ жистнымъ голосомъ:
 Ты и плачь, да красна дѣвица,
 Ты рыдай, да лебедь былая!
 Тебѣ плакать-то есть объ чемъ,
 Причитать да тебѣ есть по чемъ:
 На чужой на дальней сторонѣ,
 На влодѣйкѣ на проклятой,
 У чужова отпа-матери,
 У чужа сына отецкаго,
 У грозы да молодечкой,
 Три поля горя насѣяно,
 Кручиной да огорожено,
 Печалью да исподпирано,
 Горючимъ слезамъ поливано.

Въ то время, когда дѣвушки причитали, мать невѣсты, усадивъ гостью и подругу са за столъ, согрѣла самоваръ и стала угощать ихъ чаемъ, а послѣ пирогами. За столбъ золовка разговаривала съ матерью невѣсты.

— Миронецъ Тихоновна, женихи-то къ вамъ, поди-ко, все хорошіе сватаются? — спрашивала ее мать невѣсты.

— Ононясь сватался Горшонка сынъ, да батюшка отказалъ ему; хочеть отдать меня за городскова жениха. И городской сватался, да големъ просилъ много и скруту хорошую. Теперь батюшка дѣлаеть мнѣ шелковое платье и бѣличій салонъ, чтобы никакой нарядъ не перечилъ ему.

— А на примѣтъ-то есть жепяшокъ? — снова спросила мать, невѣсты.

— Какъ же, есть; меня ужь смотрѣли-изъговорилсь на счетъ скруты; — говорила золовка, ужимаясь и ребраясь, какъ замѣчали дѣвушки; т. е. говорила модно, — по модѣ: часто закидывая голову назадъ и шевеля изъ стороны въ сторону плечами.

Прощаясь, золовка сказала:

— Въ четвергъ ждите брата, придетъ невѣсту провѣдать.

Когда уѣхала золовка, невѣста вышла изъ кути и стала потчывать своихъ подружекъ ея гостинцами.

Въ узелкѣ на блюдѣ было три пирога: круглый пирогъ съ пшеничнѣмъ и двѣ *запеченочки* ¹⁾ съ яйцами и со пшеномъ; а въ рученкѣ су-сло, подслащенное медомъ.

За столомъ невѣста сидѣла полуоткрытая: платокъ оставался на головѣ для того, чтобы тотчасъ можно было закрыться, если бы кто либо посторонній вошелъ въ избу. Она часто говорила своимъ подружкамъ:

— Кушайте, подруженки, кушайте, милая; ужь не долго мнѣ васъ потчывать, недолго сидѣть съ вами за однимъ столомъ. Скоро, скоро отымутъ меня отъ васъ, увезутъ на чужую сторону.

Изъ опухшихъ ея глазъ катились слезы. Она не рыдала, а тихо плакала. Въ какую нибудь недѣлю Лиза сильно перемѣнилась: изъ полной, румяной дѣвушки сдѣлалась блѣдная и худая. Глядя на нее, я не могъ не сказать:

— И къ чему такъ плакать, Лиза? Посмотри, какая ты стала худая; ты, вѣдь, можешь заморать.

— Какъ мнѣ не плакать, — сказала она: — жила я спокойно и весело у матушки, да у бабушки, у родныхъ своихъ; со милымъ подружкамъ часто видѣлась, часто говорила, забавлялась съ нимъ. А теперь-то увезутъ меня бѣдную, увезутъ горькую на чужую сторону, гдѣ, можетъ, свекровь-то эхидная, золовка бѣдовая. Будутъ онѣ меня бить-колотить, работой замучать. И поплакать-то мнѣ нельзя будетъ, и протгоре свое сказать некому; и мужъ-то будетъ, можетъ, строгий. Ой, да ужь кому и плакать, какъ не мнѣ!

Всѣ въ избѣ, глядя на нее, также заплакали. И мнѣ стало тяжело: и отвернулся въ сторону. А старухи, какъ парочко, твердили:

¹⁾ Полукруглые пирога небольшой величины.

— Плачь, Лиза, плачь; поплачешь за столомъ, не станешь плакать за столомъ.

Въ среду утромъ старшій братъ невѣсты поѣхалъ въ городъ покупать дары, водки, говядины, мукы и проч.; а около сумерекъ опять пришли дѣвушки и причитали тоже самое, что и вчера и въ понедѣльникъ. Кроме того, причитали постороннимъ: старухамъ, бабамъ, богатымъ мужичкамъ и молодцамъ. Всѣ, кому причитали, клали въ подолъ невѣстѣ, кто деньгами: по 5-ти и болѣе копѣекъ, кто повинной: аршина 2, 3 и болѣе, а кто куделей. Старухи и бабы во время причетовъ садились возлѣ невѣсты и, обнявъ ее, выѣсть съ ней рыдали; а молодцы, оставаясь на лавкахъ, гдѣ сидѣли, занимались посторонними разговорами или молча слушали причеты.

Причеты постороннимъ дѣвушкамъ сочиняли, или какъ онѣ говорили, устанавливали въ то самое время, когда причитали. Всѣхъ ихъ записать не было возможности; причеты онѣ были довольно однообразны въ сущности. Въ причетахъ старухамъ и бабамъ выражались: желанія и просьбы, чтобы онѣ, такъ какъ жили долго на свѣтѣ, видѣли и испытали много худого и хорошаго, изучили бы глупую и неопытную невѣсту уму-разуму; а молодцамъ высказывали благодарность невѣсты, что онѣ жалѣютъ ее, бѣдную, горькую; и между прочимъ, сулили богатство, желали хорошей славы, красивой подруги и проч. Напримѣръ, вотъ что онѣ мнѣ причитали:

Ужь какъ Владимиру
 Да Александровичу,
 Хорошую подруженьку,
 Хорошую, пригожую,
 Милую лицомъ;
 Съ собольными бровями,
 Съ черными глазами;
 Статную, высокую,
 Съ павлинною походкой.
 Стала-бы его женушка,
 Стала-бы дѣляти,
 Къ сердцу приживати;
 Крѣпко цѣловати,
 Цѣловати, миловати,
 Милостивой называти;
 Стала-бы онѣ чваниться,
 А женушка кланяться.

Во время причета дѣвушка улыбалась, а при концѣ его не могли утерпѣть, чтобы не разохотаться. Я потому помѣстилъ этотъ причетъ,

чтобы показать, какъ дѣвушки, бабы и невѣста *устанавливаютъ* причеты. Они сами сознавались, что онъ не такъ ловко удался; потому что причеты, въ которыхъ выражаются горе, отчаяніе, слезы, у нихъ въ это время легче выливаются, нежели причеты другаго содержания.

Вотъ еще причетъ, который невѣста въ этотъ день причитала одна, рыдая в хлопая руками. Подружки въ полголоса помогали ей:

Ты красуйся, моя красота,
Девичье да украшеньце;
Разсыпайтесь, русы волосы,
По моимъ да могучимъ плечамъ,
Закатись-ка, моя косынька,
Сувротивъ да лица бѣлова.
Я возьму да свою косыньку
На свои да руки бѣлыя;
Я прижму да свою косыньку
Ко сердцу да ко ретивому,
Ко лицу да ко бужажному;
Оболью да русу косыньку
Я своимъ да горючимъ слезамъ.

Послѣ этого причета подружки разошлись.

Въ четвергъ съ обѣда невѣста и подружки причитали тоже самое, что въ прошедшіе дни.

ПРОВѢДКА.

Вечеромъ пріѣхалъ въ сосѣднюю избу женихъ съ товарищемъ и послалъ къ невѣстѣ узнать: можетъ-ли онъ провѣдать ее.

— Милости просимъ! — былъ отвѣтъ.

Невѣста была уже одѣта, также и дѣвушки нѣсколько принарядились, зная, что женихъ долженъ пріѣхать съ товарищемъ.

Женихъ, войдя въ избу и помолясь Богу, подошелъ къ невѣстѣ, которая, уже не покрытая фатой, стояла подъ ворушонъ.

— Здравствуйте, Лизавета Николаевна, каково ваше здоровье? — сказалъ онъ, кланяясь.

— Благодарю васъ, Василій Тихоничъ; помаленьку, — отвѣчала невѣста.

Послѣ низкихъ поклоновъ женихъ и невѣста поцѣловались.

— Извольте принять отъ меня гостинцы, Лизавета Николаевна, — сказалъ женихъ, взявъ у товарища одинъ изъ узелковъ и подавая невѣстѣ.

Она, поблагодаривъ его, передала гостинцы матери.

Женихъ взялъ невесту за руку, повелъ за столъ и съѣлъ возлѣ нея вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Подали самоваръ и Катя начала разливать чай; а невеста угощать ими жениха и его товарища. Послѣ чаю подала кулебяку, пирогъ круглый со пшеномъ и графинъ съ домашней настойкой. Когда женихъ и товарищъ его напились чаю и закусили, Катя убрала со стола остатки пирога; а женихъ, попросивъ 4 тарелки, взялъ у товарища другой узелокъ и, развязавъ его, насыпалъ на нихъ пряниковъ, орѣховъ, рожковъ и черносливу; — и сталъ угощать ими сперва невесту, ея мать, отца, Катю и братьевъ; а послѣ ея подружекъ, которыхъ онъ попросилъ вмѣстѣ съ Катей съѣсть за столъ и поиграть съ ними въ карты. Часа два сидѣли они за столомъ; играли въ карты, ѣли пряники, грызли рожки, щелкали орѣхи и разговаривали про знакомыхъ дѣвушекъ, про молодцовъ, о гуляньяхъ, посидѣлкахъ и о будущихъ праздникахъ. Наконецъ, женихъ и его товарищъ, простившись и сказавъ, что въ субботу дѣвичникъ, уѣхали.

Въ пятницу невеста и подружки опять тоже причитали, что и вчера; а родня невесты спѣшила кончить свои работы: дошивала рубашки, платья, нашивки; мыла избу, посуду и варила для отгостковъ шива.

Къ вечеру пріѣхали: старшая сестра Лизы и вторая сестра ея изъ дальняго прихода, за которой ѣздили младшій ихъ братъ. Когда послѣдняя вошла въ избу, невеста съ подружками сидѣла въ кутн и причитала.

— Сестра, сестра пріѣхала! — тихо еказали невестѣ подружки.

Невеста зарыдала и перестала причитать; дѣвушки также замолкли и поглядывали на пріѣхавшую сестру, которая, скинувъ суконную шубу ва овчинъ и большой платокъ съ головы и поздоровавшись съ матерью, съ отцемъ, съ братомъ и сестрами, стала подходить къ невестѣ. Подружки и невеста запричитали ей:

Тебѣ добро идти, жаловать,
Дорогая честна гостенька,
Моя милая сестрица.
Не прогнѣвайся, голубушка,
На жени, на молодешевку,
Я не вышла, я не встрѣтила
Среди-то поля чистаго,
Раздолья-то широкаго;
На широкой-то на улочкѣ,
На мосту да тесу бѣлова;
Я дверей да не отворила

Широко, да двори на пята;
 За бѣлы руки не приняла,
 Въ высокъ теремъ да не вводила,
 Въ честно мѣсто не посадила,
 Во честное подь окошечко
 За бранную зановѣсочку,
 И столами не задвинула,
 Скатерокъ да не раскинула,
 Хлѣба, соли не поставила;
 Отошедь не поклонилася
 Ниже пояса да шелкова,
 Золотыя перевязочки.
 Не спѣсь да на меня пришла,
 И не гордость-то великая.
 Изняло-то меня бѣдную
 Все горе, да все кручинушка,
 Все печаль да непобѣдная.
 Ужь ты, свѣтъ, моя голубушка,
 Моя милая ты сестрица,
 Не могла придти поранѣя
 Разговорить рѣднова батюшку,
 И родиную-то матушку.

Сестра, при первыхъ словахъ причета, подошла къ невѣстѣ, съѣла и обнявъ ее, подь платкомъ поцѣловала и вмѣстѣ съ ней громко зарыдала,
 Когда подружки и невѣста кончили причитать, сестра, глотая слезы, стала отпричитывать невѣстѣ:

Ужь ты, свѣтъ, моя голубушка,
 Моя милая сестрица;
 У меня, у молодешеньки,
 Не своя да воля-волюшка:
 Я живу, да молодешенька,
 На чужой, на дальней сторонѣ,
 У чужова отца, матери,
 У чужова-то чуженина,
 Подь грозой, ¹⁾ да подь великою.

Отпричитавъ и еще немного поплакавъ, сестра встала и отошла, утвряя слезы

Мать посадила ее за столъ, напояла чаемъ и накормила. За столомъ сестра невѣсты спрашивала: кто женихъ? Хорошъ-ли онъ?

Мать и другіе родные отвѣчали, что хорошъ.

— Народъ-то молодой и говорить, что дуракъ и неучъ-то онъ.

¹⁾ Подь властью господь, какъ сами крестьяне объясняютъ.

да вѣрить-то этому нонѣ нельзя. Вишь, народъ сталъ все дошлый, проворный; зубоскаль; на словахъ и города беретъ, а на дѣлѣ ни шиша. А какъ выщется какой не нонѣшной, робкой, какъ мы были старики, вотъ и кричатъ: дуракъ, говорить не разумѣть, манерь не знаетъ, — горячо сказалъ отецъ невесты.

Не всѣ невесты въ этотъ промежутокъ времени между праскиня сиднями и дѣвичникомъ такъ много и не притворяясь, плачутъ, какъ Лиза: но большая часть ихъ не можетъ обойтись безъ слезъ. Другія, выходя за мужъ за милова, радуются въ душѣ; но все таки должны при людяхъ рыдать и причитать. Того требуютъ церемоніи свадьбы и обычаи. Иначе ихъ осмѣютъ, оговорятъ.

— Ей весело, что покидаетъ отцовской домъ; она радешенка оставить стариковъ: съ ними накушвило ей жить; — говоритъ при невестѣ народъ, если она мало рыдаетъ и причитаешь; или еще хуже; — Э, — говорятъ, почти вслухъ: — ей зачѣмъ плакать, чего горевать; она опрже свадьбы гуляла съ женихомъ. — Къ такой невестѣ рѣдко и мало приходятъ подружки.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Въ этомъ письмѣ было отсутствіе гнѣва, угрозы и коварства, такъ, что оно почти побѣдило ее. Неужели она ошиблась на счетъ леди Мэзонъ? Но должна ли она была сама отравиться къ нему и выслушать отъ него самого всю истину, прежде чѣмъ объявить вторженіе въ непріятельскій станъ на Орлидскихъ земляхъ? Сверхъ того она была тронута, почти побѣждена, присылкою денегъ. Затрудиенія въ денежномъ отношеніи, ярко представились въ ея головѣ и она сильно призадумалась. Она не могла жить ~~здѣсь~~ отъ него, если онъ не будетъ давать ей денегъ, — покрайней-мѣрѣ долго, не можетъ прожить. Онъ всегда былъ очень щедръ на деньги такъ что она имѣла при себѣ маленькій запасъ. У нея, кромѣ того, были собственныя драгоценныя вещи, и хотя она и прежде уже рѣшилась ничего не брать, не сказавъ ему, что намѣрена съ тѣмъ дѣлать, онажъ все же могла при надобности прожить этимъ мѣсяцевъ двѣнадцать, а можетъ быть и больше, если соблюдать строгую экономію. При настоящемъ настроеніи духа она радовалась даже мысли, что въ будущемъ предстоятъ ей лишенія и нужды. Она будетъ допашивать старыя платья, все время станетъ проводить за чтеніемъ проповѣдей, вставать рано и не заботиться о томъ, что будетъ ѣсть и пить; короче, будетъ терпѣть горькую жизнь, — и радовалась этому.

Но эта присылка пятидесятифунтоваго билета, это предложеніе прислать еще болѣе, если ей нужно — все это поколебало ее. Въдь такъ пожалуй ей можно жить въ Орэндж-Стритѣ со всевозможнымъ комфортомъ, держать даже свой экипажъ, если ей правится: она видитъ, что банковые билеты безъ всякаго ограниченія готовы сыпаться на нее!.. А онъ будетъ поживать себѣ въ Гарли-Стритѣ, видаться съ леди Мэзонъ, сколько душѣ угодно! Софья будетъ хозяйкой дома, и Леди Мэзонъ не будетъ туда показываться... Но такое сочетаніе обстоятельствъ не приходилось по вкусу мистриссъ Фернивалъ.

Все это замедлило исполненіе ея предначертаній на этотъ день; но предъ тѣмъ какъ ложиться ей спать, она снова уже рѣшилась во что-бы-ни-стало ѣхать въ Гэмворгъ. Штъ, Томъ навѣрное обманываетъ ее; въ этомъ она чувствовала себя морально убѣжденною. Чтобы ни было, а она поѣдетъ въ Гэмворгъ и доверитъ только собственному уму: распутать петлю всего этого дѣла.

что можно надеяться, что въ людях недочета не будетъ.) И еслибы на первое время и было ихъ мало, то надобно помнить, что явится запросъ, найдутся и люди, а нельзя же, чтобы ихъ была много, когда они не могли найти себѣ занятій и средствъ существованія. Надобно желать, чтобы подобныя общества множились по лицу земли русской, они будутъ способствовать къ образованію юристовъ и къ развитію въ массѣ народонаселенія юридическихъ познаній, которыя поведутъ къ утвержденію чувства справедливости и законности.

Русское общество приняло радостно заявленіе о предстоящихъ судебныхъ реформахъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ осуществленія, и каждый русскій отъ всего сердца долженъ сказать: «поскорѣй бы!»

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА.

ДѢВЧИЧЬИ И СЪ ПРЯНИКОМЪ ЖЕНИХЪ ПРИѢЗЖАЕТЪ.

Дѣвичникъ всегда бываетъ наканунѣ свадьбы и больше въ субботу. Въ этотъ день утромъ мать невесты обряжалась: пекла пироги; варила щи и жарила баранину. Около сумерекъ младшій братъ невесты съ нѣкоторыми изъ ея подружекъ топилъ баню. Изъ близкаго села пришли дѣвушки, которыя уже были на црскихъ сидняхъ, и, войдя въ избу, запричитали:

Ужь мы шли, да торопился,
Шелковымъ клубкомъ катился;
Мы услышали-тъ, бѣдныя,
Что про вѣсточку нерадостну,
Челюпать невеселое.
Ужь мы шли, наша голубушка,
Черезъ три да поля чистыя,
Черезъ улицы широкія;
Намъ попала дѣвья красота,
Дѣвичье да украшеньице;
Она идетъ, да подпирается,
Горючимъ слезамъ упивается.—
Мы спросили ее, бѣдныя,
Мы спросили ее, горькія:
Ты куда да пошла волюшка,
Ты куда да пошла дѣвичья?
И пошла да вода волюшка
Во волюшку великую.
И во бабью во старость.

Ужъ какъ бабья-то старость
На ~~подъ лавки~~ ~~стала~~ ~~ся~~,
Да ко мнѣ привязалась.

Когда баба была готова, дѣвушки, топивши ее, подоидя къ дверямъ невѣстной избы, закричали:

Благослови да Боже Господи!
Наложить да руку на скобу,
Разтворить да дверя на пату;
Намъ позвать свою голубушку,
Пашу милую подруженьку
Во баню, во парусу.

Войдя въ избу и кланяясь, дѣвушки стали звать невѣсту въ баню:

Тебѣ добро идти, жаловать,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николаевна, —
Къ намъ во теплую во парусу,
Во теплу, да подвѣчную.
У насъ теплан-то паруса—
Она жарко да истоплена,
Она всякъ да изукрашена:
Середь теплой-то паруси
Стоять столбичекъ точеный,
Что на столбичкѣ точеномъ
Стоять блюдечко серебряно,
Что на блюдечкѣ серебряномъ
Лежатъ вѣничекъ шелковый,
Что на вѣничкѣ шелковомъ.
Все мыла лежатъ разныя,
Притиранья хорошия,
И дѣвчьи-та красота,
Дѣвчье да украшеньице;
По полкамъ и по лавочкамъ
Разнымъ сукномъ испостилано;
По пазамъ и по щелочкамъ
Жемчужкомъ да изонизано.

Невѣста, сѣдя въ кути, отвѣчала:

Ужъ вы свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
На обманъ вы дѣло дѣлаете,
На проводъ меня проводите:
Ужъ вы дайте мнѣ, голубушки,
Мнѣ поруку крѣпкую.

Подружки:

Тебѣ порука-то крѣпкая:
И родимый-то батюшка,
И родимая матушка.

Невѣста:

И порука мнѣ не крѣпкая:
Не родимый-то батюшка,
Не родимая матушка.

Подружка:

Мы дадимъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
И поруку-то, крѣпкую:
Мать Божью да Богородицу.

Невѣста встала съ подружками съ лавки и заирчягала:

Благослови да Боже Господи,
Мать Божья да Богородица!
Ужь мнѣ встать, да молодешенькѣ,
Ужь мнѣ встать, да зеленешенькѣ,
Ужь мнѣ встать, да приподнатисъ
Со брусчатой-то со лавочки
На свои да ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьяные.
Ужь мнѣ дайте-ко, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Мнѣ единую позовочку:
Изъ куты да мнѣ до передя,
Мнѣ открытъ, да молодешенькѣ,
Мнѣ открытъ, да зеленешенькѣ
Мнѣ платочка-то бумажнаго;
Оглядѣть, да молодешенькѣ,
Оглядѣть, да зеленешенькѣ,
Мнѣ родимова-то батюшку
И родимую-то матушку.
Ужь ты свѣтъ да родный батюшка
И родимая да матушка,
Ужь мнѣ дайте благословеньце
И благословенье мнѣ великое
И отъ желанья ретива сердца:
Мнѣ идти, да молодешенькѣ,
Мнѣ идти, да зеленешенькѣ,
Мнѣ во теплую во шарушу.
Во денгу, да подыбленную,
Со подружкамъ, со голубушкамъ,
Со шумамъ, да краснымъ дѣвцамъ.

Отецъ и мать благословили, и все подружки сорвали невѣсту въ са-

ню. Улицой вези ее подь руки; она была покрыта фатой и, наклонившись, и рыдая, причитала, а подружки помогали ей:

~~Ты свати-ко, младь, свѣтѣль мѣсяць,
Съ вечера да до полуночи,
Со полуночи до бѣлова дня,
Освѣчай да путь-дороженьку:
Не ступить-бы, молодешенькѣ,
Не ступить-бы, зеленешенькѣ,
Во коневую ступенечку;
Не сронить-бы молодешенькѣ,
Что съ себя да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице.~~

Когда невѣсту привели къ банѣ, она перекрестилась и съ нѣкоторыми подружками вошла въ нее. ~~Остальные дѣвушки~~, накрывъ одну изъ нихъ платкомъ, подхватили ее подь руки и, идя селомъ, запричитали:

~~Вамъ добро идти, жаловать,
И дядюшки и тетушки
Во баню, да во парушу,
Во теплу, да подвѣчную.
Хорошо баня топилася,
Со чадомъ да не мутилася,
Ключевая вода нагрѣта,
Слизки щелокъ наварены.
Не прогвѣвайтесь пожалуйста,
Да не про васъ-та баня топлена,
Только честь одна приложена.~~

Передъ окнами каждой избы дѣвушки останавливались, продолжали причитать, или снова начинали тотъ-же причетъ, а закрытая подружка, притворяясь, рыдала, разводя и хлопая руками и наклоняясь чуть не до земли. Хозяева изъбъ выходили и подавали кто 3, кто 5 копѣекъ. И подружки отходили прочь. Собранныя ими деньги были отданы невѣстѣ. ¹⁾

Пройдя все село, дѣвушки возвратились къ банѣ, гдѣ запричитали:

Ужь ты, свѣтъ, ваша голубушка,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николаевна.

¹⁾ Я видѣла на другой свадьбѣ, также въ селѣ, какъ дѣвушки подошли къ окнамъ господскаго дома, гдѣ жили господа, и также запричитали. Барыня скорѣе выслала свою горничную и сказала: «вотъ итъ, подай полотенце, да двугривенный, пусть только ~~идутъ~~ брочь.»

Ужь ты парся помазешеньку,
Ужь ты парся потихошеньку;
Ты не спарь, наша голубушка,
Что съ себя да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньце.

Когда невѣста вымылась, подружки вывели ее изъ банн и повернули въ тусторону, гдѣ церковь изъ прихода, помогли ей положить три земныхъ поклона и повели потихоньку домой. Одна изъ подружекъ, идя впереди, мела дорогу.

Невѣста причитала:

Ужь вы, святъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Провели меня молодешеньку,
Провели меня, зеленешеньку,
Что сказали вы, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Ужь какъ теплая-то паруса,—
Она жарко да истоплена.
Она всякъ да изукрашена:
Середь теплой-то паруси
Стоитъ столбичекъ точный, —
Что на столбикѣ точномъ
Стоитъ блюдечко серебряно,—
Что на блюдечкѣ серебряномъ
Лежитъ вѣничекъ шелковый, —
Что на вѣничкѣ шелковомъ
Все мыла лежать разныя,
Ирптиранья хорошія,
И дѣвичья-то красота,
Дѣвичье да украшеньце;
По полкамъ и по лавочкамъ
Разнымъ сукномъ изпостилено;
По пазамъ и по щелочкамъ
Жемчужкомъ да изпонижено.
У васъ теплая-то паруса,
И не жарко-то натоплена,
И ничѣмъ не изукрашена.

И, отдохнувъ, продолжала:

Недолго я попарилась,
Ужь я много съ себя спарила,
Ужь я спарила, молодешенька,
Ужь я спарила, зеленешенька,
Свою дѣвичью красоту.
Дѣвичье да украшеньце

Взойдя на взъездъ къ воротамъ, дѣвушка хоромъ спросила:

Ужь какъ есть-ли, сударь батюшка
И родимая матушка,
У воротъ да приворотничекъ,
У дверей да придверничекъ? —

Отецъ и мать съ хлѣбомъ и солью встрѣтили невѣсту, которая, войдя въ избу, кланяясь, стала просить ихъ:

Ужь ты свѣтъ, да родной батюшка
И родимая матушка!
Вы попотчуйте, родимые,
Мои хъ милыхъ подруженекъ,
Мои хъ милыхъ, задушевныхъ

На столѣ уже лежали пироги и стояла ядова съ пивомъ. Угостивъ подружекъ на скорую руку, невѣста, покрытая фатой, отправилась въ куть, гдѣ, получивъ отъ матери кусочки узенькихъ лентъ, копѣйки въ двѣ аршинъ, стала раздавать *красоту*, т. е. эти кусочки лентъ: сперва младшей сестрѣ, а потомъ всѣмъ дѣвушкамъ, причптая вѣстѣ съ вами:

Сестрѣ:

Ты возьми, моя голубушка,
Моя милая сестрица,
Мою дѣвичью красоту,
Дѣвцѣ да украшеньце.
На свои да руки бѣзья.
Ты носи, моя голубушка,
Моя милая сестрица,
Мою дѣвичью красоту,
Изъ косы не выплетаючи,
Все меня да вспоминаючи.
Помяни меня, голубушка,
Ты меня, да молодешеньку.
Ты меня, да зеленешеньку,
На чужой на дальней сторонѣ.
На злодѣйкѣ на проклятой,
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженна,
У чужова роди,—племени.
Помяни меня, голубушка,
Ты меня, да молодешеньку,
На чужой на дальней сторонѣ.
Въ три денечка да одинока:
Буде много да покажется.

Помни меня, голубушка,
Въ три годочка да одиножды.
Я сама да знаю, вѣдаю,
И не мѣсто и не мѣстечко,
И не мѣсто вѣковѣчное—
Моей дѣвичьей красотѣ,
Дѣвичью да украшеньицу:
Какъ голубушка мила сестра,
На большомъ она на возрастѣ,
И на скоромъ на выдаваньѣ.

Подружкамъ

Я отдамъ да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице
Своимъ милымъ подруженькамъ
Вы носите-ко, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Съ головы да не снимаючи,
Изъ косы не выплетаючи,
Все меня да вспоминаячи.
Вспомяните-ко, голубушки,
Хоша въ три да одинова;
Буде часто вамъ покажется,
Въ три годочка да одиножды.
Я сама да знаю, вѣдаю,
И не мѣсто и не мѣстечко,
И не мѣсто вѣковѣчное—
Моей дѣвичьей красотѣ,
Дѣвичью да украшеньицу:
Мои милыя подруженьки,
На большемъ онѣ на возрастѣ,
И на скоромъ на выдаваньѣ.

Сама себѣ, держа въ рукахъ ленточку:

Я возьму да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице
На свои да руки бѣлыя,
На перетенья золоченыя.
И пойду, да молодешенька,
Я пойду, да зеленешенька,
Во поля да во чистыя.
Во раздолья широкія.
Во лѣса тѣ зеленые:
Положу я дѣвью красоту
На березу кужливую.
Какъ пройдетъ та вѣра-времячо
Вся вода да проволѣется.
Всѣ гости да ворывѣдутъ!

Всѣ подружки поразойдутся;
Какъ пойдутъ да люди добрые
Съ топорами да со вострыми;
Подсакутъ бѣлу березоньку,
Уронять да дѣвью красоту
На травы тѣ на шелковыя,
На цвѣты тѣ на лазоревыя...
Какъ придетъ та пора—времечко,
Страды тѣ на сѣнокосныя;
Какъ пойдутъ да люди добрые
Со косами да со вострыми;
Подкосять тѣ травы шелковыя.
И цвѣты тѣ да лазоревы;
Уронять да дѣвью красоту
На матушку сыру землю.
Я возьму да дѣвью красоту
На свои да руки бѣлыя,
На перстенья золоченыя;
Я свесу да дѣвью красоту
Я ко матушкѣ, Божьей церкви;
Положу я дѣвью красоту
За престолъ да Богородицъ.
Какъ пойдутъ да люди добрые
Богу Господу молитися,
Моей красотѣ дивитися:
Это чья да дѣвья красота?
Она честно да изношена,
Во честно мѣсто положена.

Раздавъ красоту, невѣста и подружки запричигали:

Ты красуйся, дѣвья красота,
Дѣвчье да украшеньице;
Тѣ недолго красоватися,
Недолго въ дѣвкахъ сидити.
Тѣ не годы годовати,
И не лѣтнѣе-то празднички,
Не частыя богомольцы;
Одну ночь да ночевати
Со поднимымъ да со батюшкой,
Со родимой да со матушкой,
Со голубушкамъ милымъ сестричъ.
И со всѣмъ да родомъ—племенемъ.
Со подружкамъ со голубушкамъ.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Мнѣ сидѣть—не насидѣтися,
Говорить—не наговоритися,
Думу думать—не надуматися
Съ родимымъ да со батюшкой,

Со родимой да со матушкой,
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ,
Со подружкамъ со голубушкамъ.

Послѣ этого причета стали невѣсту одѣвать въ лучшую скруту. На нее надѣли шерстяное платье, новый передничекъ изъ Чернаго коленкора, резинковый кушачекъ съ круглыми бронзовыми пряжками, на голову атласную малиноваго цвѣта повязку и на шею янтари и воротничекъ.

Невѣста и подружки ждали въ кутѣ жениха и причитали брату:

Ты послушай, соколъ, милый братъ,
Моево да ты прошеньца,
Слезинова докученьца, —
Я объ чемъ тебя просить буду,
По-низку да буду кланяться,
По-гладкому рѣчь говорить:
Ты поставь-ко, соколъ, милый братъ,
У воротъ да приворотничка,
У дверей да ты придверничка.
Не пушайте вы чужихъ людей,
Что чужихъ людей, незнаемыхъ.

Не успѣли онѣ кончить причета, какъ вбѣжала изъ сосѣдней избы баба и сказала:

— Женныхъ прѣзжалъ; послалъ спросить, можно ли войти?»

Невѣста и дѣвушки встрепенулись и запричитали:

Ужь вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужь вы станьте-ко, голубушки,
Вы стѣной да бѣлокаменной;
Вы спросите-ко, голубушки,
Вы чужихъ людей, незнаемыхъ:
Это чьи гости, откуда?
Да откуда гости прѣзжали?
Хорошаго-ль роду, племени?
И отца-то-ли почетнова?
И отца-то-ли да уянова?
Ужь я больно испугалася,
Я на смерть да перепалася;
Подхватился бѣлъ—горючь камень
Къ моему сердцу ретивому:
Подошли, что рѣки быстры
Ко моимъ да ко яснымъ очамъ.
Посмотрите на сердечушко:
Не бѣлье черна бархата,
Не бѣлье чепа чернова.

СЪ ПРЯНИКОМЪ ЖЕНИХЪ ПРИЪЗЖАЕТЪ.

Во время причета вошли въ избу женихъ, его отецъ, оратъ, сестра, дядя, божатка и свать и, помолившись Богу, поздоровались съ родными невесты.

Женихъ, держа обѣими руками на поднось большой свадебный пряникъ ¹⁾, а свать—зеркало, на которомъ лежали башмаки, чулки, гребень, помада, мыло, бѣлила, мазила ²⁾, булавки и серебрянное кольцо, подошли къ воронцу.

Дѣвушки, приподнимая невесту, покрытую фатой, вмѣстѣ съ ней запричитали:

Благослови да Боже Господи!
Мнѣ и встать, да приподняться
На свои да ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки въ сафьяные.

Онѣ встали и продолжали:

Хочу—встану, хочу—не встану,
Хочу—пойду, хочу—не пойду
Противъ свата-то, сводника,
Противъ свата, перелестника.

Съли, опять встали и подошли къ воронцу, причитая:

Только встану, молодешенька,
Противъ чужова-то чуженна
И дородня добра молодца.

Подружки, держа невесту подъ руки, начали ругать свата:

Ужь какъ свату-то, своднику,
Ужь какъ свату, перелестнику.
Ему три чирья въ бороду,
Четвертый да подъ горлышко
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужь ты, родной батюшка,
Дай-ка ему провозатыхъ:
Таракана рогатова,

¹⁾ Свадебный пряникъ въ большой палець толщины, въ аршинъ и меньше длинны, и въ полъ-аршина ширины; по серединѣ его изображень въ четырёхугольничѣ Россійскій орелъ, а по краямъ рыбки, звѣри и птицы.

²⁾ Румяна.

Мышь полосатую.
Да лягушку горбатую.
Чтобы свату-то, своднику
На дворъ заблудитися,
Вереемъ поклонитися;
Домой-то прїѣхати
Молоду жену не взвѣдѣти,
Малыхъ дѣтокъ не обозрити.

Во время этого ругательнаго причета, родные жениха толкади саа-
ди свата:

— Наширай, наширай; проси!... Сватъ и женихъ подвигались впе-
редь, — сватъ, кланяясь, просилъ:

— Дѣвушки, а дѣвушки, пожалуйста поскорѣе, пожалуйста. Не
заставляйте долго ждать, пожестьки устали, рученьки одрабли.

Дѣвушки, не слушая его, продолжали ругать.

— Василий Тихонычъ, — толкалъ жениха свагъ; — проси, кла-
найся.

Женихъ кланялся и просилъ.

— Лизавета Николаевна, примите гостиницы.

Невѣста отвернулась и вмѣстѣ съ подружками запричитала:

Мнѣ не честь да красной дѣвицѣ,
Не хвала да разкрасавицѣ,
Принимать эти гостинички
Отъ чужова отъ чуженина,
Отъ дородни добра молодца.
Я спрошусь, да молодешенька,
У родимова у батюшки,
У родимой да у матушки.
Мнѣ велить-ли, редной батюшка
И родимая-та матушка,
Принимать эти гостинички
Отъ чужова отъ чуженина,
Отъ дородня добра молодца.

Отецъ и мать ея, махнувъ головой, сказали:

— Можешь, можешь...

Подружки сняли съ головы невѣсты платокъ; а женихъ сталъ пода-
вать пряникъ. Сватъ толкнулъ его:

— Говори: Господи, Исусе Христе, Сыне Божій; помилуй насъ!

Женихъ повторилъ эти слова, отдалъ пряникъ невѣстѣ и взялъ у
свата зеркало.

Невѣста передала пряникъ черезъ свою голову подружкамъ. Женихъ.

отдавая зеркало, опять повторилъ слова: «Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»

Невѣста, передавъ зеркало, какъ и прывикъ, черезъ голову подружкамъ, вышла изъ-подъ воронца и кланялась въ поясъ жениху; онъ такъ же отвѣчалъ поклонами и наконецъ, поцѣловавъ невѣсту, взялъ ее за руку и повелъ за столъ.

Стали раздавать невѣстныя дары: Катя, какъ и на праскиихъ сидицахъ, подносила на тарелкѣ сперва платокъ жениху, потомъ отцу и всей его роднѣ, послѣднему свату. Всякій отдаривалъ деньгами.

Во время даровъ двѣ подружки съ лопатами въ рукахъ подошли къ свату. На одной изъ нихъ лежалъ изъ синей сахарной бумаги платъ, изукрашенный лоскутками шелковой матеріи, ситца и сукна краснаго и чернаго цвѣта; по серединѣ его былъ пришитъ хохолъ шерсти и изгребки. На другой же лопатѣ небольшой сырой пирогъ, начиненный рабиной и утыканный сверху угольемъ и кирпичемъ, и вмѣстѣ съ пирогомъ стаканъ мутной воды съ плавающими угольями.

— Извольте, сватушка, сказали дѣвушки, подавая пирогъ и платокъ, — выпить, да закусить, да платомъ утереться.

Сватъ покраснѣлъ, но, видя, что женихъ, его родня и всѣ въ избѣ захохотали, дѣлать нечего, долженъ былъ засмѣяться.

Въ это время прочія дѣвушки запричитали ему:

Ужь ты свѣтъ, моя мила сестра,
Ты дари, да всѣхъ ударивай,
Ты чужова-то чуженина,
Чужа сына отцакаго,
Ты грозу да молодецкую;
— Одного да не ударивай
Ужь ты свата-то, сводника,
Ужь ты свата перелестника.
Что ходилъ да свать-отъ, сводникъ
Не путемъ, да не дороженькой
Что къ моей да свѣтлой свѣтлицѣ,
Ко столовой, новой горницѣ,
Къ моему родному батюшкѣ,—
Онъ по зайчикѣ по тропиночкамъ,
По собачьимъ по слѣдиночкамъ,
По кошачьимъ по лазечкамъ.
На печи-бы тебѣ заблудиться,
Сквозь напыльницѣ тебѣ провагиться;
Во щажь бы тебѣ обвариться,
Продъ шестокъ бы тебѣ закатиться;
Клюкой-бы грести, да не выгрести,
Помеломъ бы мести, да не вымести.

Имянуть через 10 опять свату:

Ужь ты свѣтъ да родной батюшка,
 Потчивай, да употчивай,
 Пой, да упайвай,
 Дари, да ударивай
 Ты чужова-то чуженина.
 Чужа сына отецкаго.
 Одного да не употчивай,
 Одного да не упайвай,
 Одного да не ударивай:
 Ужь ты свата-то сводника,
 Свата передестника.
 Проторилъ да свать дороженьку
 Онъ ко мнѣ, да къ молодешенькѣ,
 Онъ ко мнѣ, да къ зеленешенькѣ.
 Чтобы свату-то своднику,
 Свату передестнику —
 Киселемъ да подавшлся,
 Молокомъ да захлебнуться,
 Подъ столомъ да кобелемъ торчать,
 И собакой-то напаятсья
 И кошкой паяжукаться.

Послѣ даровъ начался обѣдъ. Подавали кулебяки, студень, щи, жаркое и круглые пироги и до ньяна поили водкой и пивомъ. Женихъ и невеста ѣли одной ложкой и одной вилкой. Невѣста почти совѣтъ не ѣла, а угощала жениха и его родню: кланялась и просила кушать, величая всѣхъ *по-имянно и въ отчеству*. Обѣдъ былъ почти такой-же, какъ и на свиданъхъ, только *на одно блюдо*, какъ крестьяне сами говорили, т. е. подавалась одна каменная, довольпо большая чашка.

Когда кончился обѣдъ, женихъ и родня его вышли изъ-за стола, помолились Богу и, кланяясь, благодарили невесту и ея родню. Женихъ, низко кланяясь, говорилъ:

— Лизавета Николаевна, вы, батюшка, матушка, братцы и сестрицы.

А женихова родня:

— Сватушки, свахоньки, благодаримъ покорно за вашу хлѣбъ-соль, за ваше угощенье. Къ намъ милости просимъ завтра, гостите, жалуйте.

Женихъ и невеста, помолившись Богу, поцѣловались. Женихъ вышелъ изъ избы, а за нимъ и вся его родня.

Подружекъ невесты угостили пирогами: т. е. которая были изъ другого села, остались ночевать, а изъ своего разошлись ~~на домъ~~.

Невѣста, прощаясь съ родными и съ подружками, дала полную волю слезамъ. Ей одна ноченька и та коротенькая оставалась провести вмѣстѣ съ ними; а завтра, завтра увезутъ ее. Вотъ почему она особенно плакала.

Въ свадьбѣ крѣпостныхъ, которая игралась не по-вольному, дѣвичникъ происходилъ почти также; только невѣста во все время была подъ фатою и столъ былъ гораздо бѣднѣе и церемоній меньше.

СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ

(день вѣнчанья).

Утромъ мать невѣсты уже обряжалась, подружки, оставшіяся ночевать, еще спали; невѣста встала, потихоньку умылась и, помолившись Богу, запричитала:

Я спала, да выспалася,
Я ждала, да дождалася
Отъ родимой-то отъ матушки
Побужденья-то великаго.
Какъ родимая-то матушка,
Она ходить помалешеньку,
Говорить да потихошеньку.
Какъ первой-въ разъ побудила.
Одѣлчкомъ окутала;
Какъ другой въ разъ побудила:
Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое,
У меня дѣло прихѣляно,
Вся работа приработана.
Мнѣ немного поспалось,
Немного во снѣ видѣлось,
Мнѣ привидѣлось, да молодешонька:
У насъ все да не по-старому
У насъ все да не по-прежнему:
Ворота да растворились,
Вереп да пошатился,
Всѣ заборы раскатылись.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Глупыиъ разумомъ сдобрался:
У насъ все стоитъ по-старому,
У насъ все стоитъ по-прежнему:
Только я, да молодешенька,
Только я, да зеленешенька,
Одна я да не по-старому,

— 10 —
Одна я да не по-прежнему:
Поразбилася головушка,
Растрепались русы волосы
Со горя, да со кручинушки.

Подружки въ началѣ причета проснулись; въ то же время пришли и другія дѣвушки будить невѣсту.

Кончивъ причетъ, невѣста одѣлась и отправилась съ подружками къ обѣднѣ.

На другой свадьбѣ мнѣ удалось видѣть, какъ невѣста - сирота съ своими подружками въ этотъ день послѣ обѣдни рыдала на могилѣ отца и причитала:

Я пойду да бѣдна, горькая,
Я къ отцу да къ духовному;
 Попрошу я бѣдна, горькая,
 Попрошу ключевъ-тѣ мѣдныхъ;
 Я взойду да бѣдна, горькая,
 На колокольню на высокую;
 Я ударю въ большой колоколь:
 Вы раздуйтесь съ горь, желты пески,
 Разтупись ты мать сыра земля,
 Ты раскройся, гробова доска,
 Вы раздуйтесь, тонки саваны!
 Ты встань-ка, родный батюшка.
 Распечатай, красно солнышко,
 Ты свои уста сахарные;
 Разожми-ка, родный битюшка,
 Ты свои да очи ясные;
 Ты промолви, красно солнышко,
 Ты единое словечушко,
 Ты со мной да бѣдной, горькою,
 Сиротой да горе-горькою.
 Ты приди-ка, родный батюшка,
 На мою на свадьбу бѣдную,
 На мою на свадьбу горькую.
 Принеси-ка, родный батюшка,
 Ты не злата и не серебра;
 Принеси-ка, родный батюшка,
 Благословенье мнѣ великое:
 Мать Божью да Богородицу.
 Я сама да знаю, бѣдная,
 Я сама да знаю горькая,
 Мать будить — не добудится.
 Да и гаркать — не догаркаться

Что съ тово-то свѣту бѣлова
Нѣтъ ни выходу, ни выѣзду,
Нѣтъ ни письмаца, ни грамотки,
Ни челобитья словяснова.

И эта же невѣста, пришедши домой, спрашивала у матери:

Ты скажи, родима матушка,
Что за праздничекъ Господень?
Ужь какъ всѣ гости собираются,
Ужь какъ всѣ гости съѣзжаются;
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Моего роднова батюшки
На мою на свадьбу бѣдную,
На мою на свадьбу горькую.
Отъ березки я родилася,
Я отъ камня откатилася.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня не кому.

Потомъ причитала подружкамъ:

Призамолкните, голубушки,
Мои милыя подруженьки;
Ужь мнѣ много да послышалось,
Во слезахъ да мнѣ поблизилось:
У воротичекъ постукалось,
За колечичко побрякалось;
Что идетъ родимый батюшка
Со тово-то свѣту бѣлова;
Что несетъ родимый батюшка
На правой-то на рученькѣ
Благословеньице великое:
Мать Божью да Богородицу;
А на лѣвой-то ва рученькѣ —
Подивнечко—цвѣтно платьице.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Что отъ сухова да отъ дерева
Не бываетъ отростельица;
А отъ тѣльца-то мертвова
Не дождать благословеньица.

И кромѣ причетовъ одна изъ дѣвушекъ пѣла этой невѣстѣ пѣсню:

Много, много у сыра дуба
Много вѣтъя и повѣтъя,
Много листьѣ шелковаго;
Только нѣту у сыра дуба
Золотыя маковки,

Позолоченой вершиночки!
Много, много у Аппушки
Много роду и племен;
Только нѣту у Аннѣшки,
Нѣтъ родимова батюшки.
Снарядить ее-то есть кому,
Благословить ее-то не кому.

Отстоявъ обѣдню и отслуживъ молебенъ, что въ деревнѣ часто стоитъ три копѣйки, невеста съ подружками пріѣхала домой; и такъ какъ ей предстояло почти всю ночь не спать, то легла отдохнуть, чтобы не дремать за княжимвъ столомъ.

Въ то время, когда невеста отдыхала, я посѣпшля съѣздить къ жениху. Любопытно было знать, что тамъ дѣлалось. Вхожу въ избу и вижу: мать и сестра жениха все еще обрижались; а самъ женихъ помогалъ отцу разливать водку изъ ведернаго боченка въ бутылки и графинны.

— А, гость дорогой! милости просимъ, — сказалъ Тихонъ, увидя меня.

— Пріѣхалъ посмотреть, что у васъ дѣется; — сказалъ я.

— Ой, голубанчикъ, ты уже пріѣзжай съ молодымъ, такъ будетъ что поглядѣть; а теперь что? Пора бы жениху-то одѣваться, а вотъ тутъ съ виномъ бьешься; вчера кушилъ два ведра, а сегодня говорить мало, еще пошли; дѣлать нечего купилъ и еще ведро; а окромя того 15 ведеръ пива сварилъ. Спустись-ка ты въ голбець, да погляди сколько пироговъ напекли; такъ небось, ахнешь; не сочтешь, поди.

И спустился въ голбець и удивился, когда увидѣлъ, что все верхнее отдѣленіе голбца было занято пирогами; я насчиталъ 82 пирога продолговатыхъ — кулебякъ и 40 круглыхъ со шшеномъ, съ ягодами и съ ягодами.

— Ну, Тихонъ Васильевичъ, одними пирогами можно накормить 100 человекъ; и куда столько? — сказалъ я, выльзая пзъ голбца.

— А уже посмотришь, сколько останется; нашъ братъ, мужичекъ, любитъ поѣсть, а ему шеничные пироги ни по чѣмъ, только подавай. Спасибо баринъ, подмогу сдѣлала дала четверть ржи и четверть овса, да деньгами 10 рублей.

Къ жениху стали натѣжать поѣзжане, т. е. его родные, и я возвратился къ невестѣ, узнавъ, что церемонія до отъезда поѣзжанъ за невестой будетъ такая-же, какую я видѣлъ на другой свадьбѣ.

Невеста уже встала и была окружена подружками; двѣ изъ нихъ вмѣстѣ съ сестрами ея начали одѣвать невесту. Мылась она мыломъ жениха, помадилась его помадой, бѣлилась и румянилась его бѣлилами и румянами. Надѣла башмаки и чулки, подаренные женихомъ, и глядѣлась въ его зеркало, которое держалъ младшій братъ.

Я забылъ сказать, что въ зеркало, подаренное въ дѣвичникъ женихомъ, ни невеста, ни ея родные, ни посторонніе не должны глядѣться, пока невеста, одѣваясь къ вѣнцу, не посмотрится въ него первая. И потому, когда невеста получаетъ отъ жениха зеркало, закрытое салфеткой, и передастъ подружкамъ, то мать ея спѣшитъ взять его у нихъ и запереть въ сундукъ.

На невесту надѣли шелковое платье и шаль (большой шелковый платокъ), на шею воротничекъ изъ бѣлаго бисера, янтари и дутыя бусы, на голову маляновую бархатную повязку и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Такъ бывають одѣты болѣе богатыя невесты. Впрочемъ, хорошій мнѣ, какъ говорятъ крестьяне, на славя женихъ часто требуетъ, чтобы у невесты была хорошая скрута, т. е. шелковое платье и бѣличій салопъ. И потому небогатые отцы, у которыхъ нѣтъ денегъ для покупки такой скруты, а желаютъ отдать дочку за хорошаго человѣка, не знаютъ что дѣлать и какъ помочь горю; и при мнѣ одинъ изъ нихъ продалъ анбаръ и овцу и купилъ шелковое платье и солошь. А другой изъ знакомыхъ мнѣ и болѣе зажиточныхъ крестьянъ просилъ меня, чтобы я купилъ лисій солошь и шелковой матеріи на платье для дочери и енотовую шубу для сына. Замѣчательно, что дѣвушки очень рѣдко надѣвають шелковыя платья; они лежатъ по году, по два и болѣе въ сундукахъ, изъ которыхъ онѣ вынимають ихъ иногда только посмотрѣть. Дѣвушки-славнухи гораздо чаще ходятъ въ праздники въ шелковыхъ платьяхъ. Бабы еще рѣже надѣвають ихъ: берегутъ для своихъ дочерей. У одной невесты я видѣлъ кусокъ атласной матеріи и именно: розовое моаре, которое уже слишкомъ годъ лежало въ сундукѣ; отецъ этой дѣвушки — скотникъ, говорилъ мнѣ, что оно было куплено по случаю въ Петербургѣ за 25 руб. серебромъ. Никто не видалъ его

дочки въ шелковомъ платьѣ; а не смотря на то говорятъ: «у этой невѣсты скрута хороша: есть шелковое платье.» Отецъ старался распространить этотъ слухъ, изрядка показывая кусокъ матеріи; надо замѣтить, что у него дочка не такъ красива. Случается, что невѣста, у которой нѣтъ шелковаго платья, не можетъ найти по себѣ жениха и остается въ дѣвушкахъ. И часто только тотъ молодецъ считается хорошимъ или богатымъ женихомъ, у котораго есть сюртукъ, — и только тогда онъ можетъ свататься къ порядочной невѣстѣ.

Когда однѣ подружки одѣвали невѣсту, другія причитали:

Ты послушай, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николасвна,
Какъ мы жили, да красовалися
Во своей да волѣ воальной,
Да мы во красныхъ дѣвушкахъ;
Да наряжался, молодешеньки,
Во одно да платье цвѣтное,
Во одно да платье дѣвичье.

Невѣста отвѣчала:

Ужь какъ мнѣ ~~не~~обидной, горькой,
Не пристанеть платье ~~невѣстное~~,
Не пристанеть платье дѣвичье.
Мнѣ не ладно, не ладнешенько,
Что мое да платье цвѣтное,
Что мое да платье дѣвичье.

Когда невѣста одѣлась, то подружки покрыли ее чистымъ бѣлымъ платкомъ. Въ это время набралась полная изба народу: нельзя было пошевелинуться.

Теперь перенесемся къ жениху. Когда у него собрались все поѣзжане, дружка — молодой, разбитной парень, младшій братъ женихова отца, сталъ одѣвать жениха, повторивъ три раза приговоръ, чтобы не испортили свадьбу:

Поставлю тыя отъ земли до небеси,
Затворю ворота желзными,
Запру ключами мѣдными,
Снесу за престолъ Господенъ
Самой Матери Божіей

Онъ говорилъ эти слова и клалъ земные поклоны; женихъ и всѣ поѣзжане также молились.

Отѣли жениха и послали за попомъ и дьякономъ. Пріѣхали и они; дружка и жениховы отецъ и мать встрѣтили ихъ на улицѣ. Попъ вошелъ въ избу съ крестомъ въ рукахъ, благословилъ ихъ всѣхъ въ избѣ и велѣлъ прикладываться ко кресту. Помолясь Богу, поппъ, дьяконъ и всѣ поѣзжане сѣли за столъ; хозяйева попотчивали ихъ водкой и закуской. Женихъ не долженъ былъ ѣсть цѣлый день, пока не обѣдичается; это строго соблюдаютъ крестьяне, и даже женихъ до вѣнца не только не пьетъ водки, но часто и не курить и не нюхаетъ табаку. Закусивъ не много, поѣзжане вышли изъ-за стола; поппъ и дьяконъ отѣли молебень; а отецъ и мать благословили жениха и всѣ поѣзжане, пропустивъ впередъ попа, дьякона и жениха съ дружкой, вышли на улицу и сѣли въ четверы сани. Дружка обошелъ три раза вокругъ поѣзда, съ образомъ въ рукахъ и безъ шапки, возвратилъ его отцу и сѣлъ повозникомъ.¹⁾ въ первые сани, въ которыхъ сидѣли поппъ, женихъ и дьяконъ. Во вторыхъ саняхъ сидѣли тысяцкій, большой баринъ и братъ жениха; въ третьихъ — сваха (женихова сестра), божатка и повозникъ изъ родственникововъ жениха; въ четвертыхъ — двѣ тетки и три двоюродныхъ брата. Тронулись первыя сани, — за нимъ и весь поѣздъ.

«Загудѣли колокольцы, забрякали шеркунцы; поди, версты на двѣ, на три будетъ слышенъ поѣздъ. А сбруя-то на мѣди, такъ горя и горитъ; переметы мѣдные, уздечки мѣдью усажены, дуги золоченыя, сани крашенныя. Эхъ, тройка-то какая богатая у жениха, какъ она убрана!» говорилъ народъ.

Въ жениховы сани была запряжена тройка удалыхъ лошадей, подобранныхъ подъ одну масть. Подъ дугой висѣли два большіе колокольца и у каждой лошади по два шеркунца. Въ прочія сани было запряжено по одной лошади, также съ колокольчикомъ и шеркунцомъ.

На бѣдную свадьбу священника не зовутъ. Если его не бываетъ, то дружка, когда выйдутъ женихъ и поѣзжане изъ-за стола, крестится и говорить:

¹⁾ На другой свадьбѣ я видѣлъ дружку верхомъ на лошади, впереди поѣзда.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
Встать намъ изъ-за стола бѣлодубова,
Изъ-за скатерки бранной;
Встать намъ изъ-за вѣствъ сахарныхъ,
Изъ-за питей медвяныхъ,
Изъ-за чашки мѣдной,
Изъ-за ложки серебряной.
Встать намъ и святымъ образамъ помолаться,
У родимова у батюшки,
У родимой у матушки
Въ ногахъ полежать
И родительскаго благословенья испрошать.
Праву руку на скобу наложить,
Двери на пята отворить,
На каиновъ мостъ взойти,
На широкій дворъ взойти
И къ доброму коню подойти;
Въ санки сѣсть
И полостью ножки закрыть,
Воздечкой тряхнуть,
И плеткой махнуть.
Ѣхать намъ на чужую сторону,
По свою суженую и поряженую;
У богоданнова батюшки,
У богаданной матушки
Столъ просидѣть;
Молодую княгиню за ручку ввать;
У богаданнова батюшки,
У богаданной матушки
Въ ногахъ полежать,
Ихъ родительскаго благословенья испрошать.
Праву руку на скобу наложить,
Двери на пята отворить,
На каиновъ мостъ взойти,
На широкой дворъ взойти,
Молодую княгиню въ санки посадить.
Самому въ другія сѣсть,
Полостью ножки закрыть,
Воздечкой тряхнуть
И плеткой махнуть.
Ѣхать намъ въ Божью церковь,
Къ Благовѣщенью Господню;
Въ трапезу войти,
На показанное мѣсто дойти;
Встать передъ царскими дверьми.
На одинъ подножникъ встать:
Златыми вѣнцами вѣнчаться,
Златыми перстнями обручаться.
Крестъ на крестъ наловаться.

На честь и на радость,¹
На долгіе вѣки,¹
На кудрявыи дѣти.
Господи благослови!
Святые Ангелы, Архангелы,
Михаилы-Архангелы,
Гавриилы-Архангелы!

При послѣднихъ словахъ дружка женихъ, всѣ поѣзжане и весь народъ въ избѣ молится; а жениховы отецъ и мать кладутъ земные поклоны.

На улицѣ уже темнѣло.

— Поди, скоро пріѣдутъ; безпрестанно говорили въ избѣ у невѣсты. Подружки запричитали:

Что не честь да красной дѣвицѣ,
Что стоять, да молодешенькѣ,
Что стоять, да зеленешенькѣ,
На широкой да на узлчкѣ;
Ужь тебѣ идать-то, молодешенькѣ,
Чужова-то чуженина,
Чужа сына отцакаго,
Грозу-то молодецкую.

Только что успѣли дѣвушки кончить втотъ причетъ, невѣста запричитала.

Подуйте, вѣтры Вы буйныи
Изъ косящата окошечка,
Ужь вы сдуйте, вѣтры буйныи,
Вы съ моеи да съ бѣдной головы
Чисту бѣлу занавѣсочку,
Слезинное полотенецко.
Я пойду, да бѣдна, горькая,
Подъ благословеньице великое.
Я прошу да у тебя, батюшка,
Я прошу да у тебя, матушка,
Я не злата, и не серебра,
Я не имѣнья богаческаго;
Я прошу да у тебя, батюшка,
Я прошу да у тебя, матушка,
Благословеньице великое;
Мать Божью да Богородицу.

Во время причета, подошли къ невѣстѣ отецъ ея съ образомъ въ рукахъ, къ которому была прикрѣплена восковая, горящая свѣчка, и мать съ хлѣбомъ-солью. Невѣста послѣ словъ: «я пойду да бѣдна, горькая», положила къ нимъ и, продолжая причитать, положила лѣтъ три земныхъ по-

клона и наклонилась под образъ. Отецъ благословилъ ее крестъ на крестъ сначала образомъ, а потомъ хлѣбомъ, который взяла у матери. После отца, мать также благословила ее. Получивъ благословеніе, невѣста хотѣла опять сѣсть на свое мѣсто, какъ вбѣжалъ кто-то въ избѣ и закричалъ:

— Ёдутъ, ёдутъ, далеко чуть....

Въ избѣ зашумѣли, забѣгали, засуетились. Толпа мальчишекъ вбѣжала въ избѣ и бросилась на полати, гдѣ, толкая другъ друга и съ шумомъ, спѣшила занять лучшія мѣста.

Невѣста обратилась къ народу, зарыдавъ:

Всѣ-то люди взволновались,
Они чего да испугались?
Не пугайтесь, люди добрые,
Вы подруженьки, голубушки,
Не на вась туча сдымастся,
Не на вась да опускается;
На меня туча вздымастся,
На меня да опускается.

Подружки взяли ее подъ руки и повели за столъ. Невѣста снова запричитала нѣсколько скорѣе; дѣвушки помогали ей.

Отпуститс-ка, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, да молодешеньку,
Вы меня, да зеленешеньку,
Меня на свой да на широкой дворъ.
Я пойду, да погуляю
По своему двору шпрокому,
Вспомню я, какъ нарядилась,
По своей да волѣ вольной,
И во красныхъ и во дѣвушкахъ.
Загляну я, молодешенька,
Загляну я, зеленешенька,
На своихъ да на добрыхъ коней.
Всѣ-то кони, они пьютъ, ёдятъ;
Что одинъ-то конь ни пьетъ, ни ѣсть:
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Нотупилъ да очи ясные
Онъ во матушку, да во сыру землю.
Тутъ узнала я, молодешенька,
Тутъ узнала я, зеленешенька,
Отъ чего-то конь не пьетъ, не ѣсть.
Вѣрно мнѣ, да молодешенькѣ,
Вѣрно мнѣ, да зеленешенькѣ,

Что на этомъ на добромъ конѣ
 Ъхать мнѣ да бѣдной, горькой,
 Со чужимъ-то со чужениномъ,
 Съ чуже сыномъ-то отецкинь,
 Со грозой-то молодецкой,
 Изъ свѣтлой-то свѣтлицы
 Подъ вѣнцы да подъ злачешы;
 Отъ вѣнцовъ да отъ злаченныхъ
 На чужую, дальнюю сторону,
 Да во темную темницу —
 Да во темную потюремницу.
 На чужой, на дальней сторонѣ,
 На злодѣйскъ на проклятой
 Воронцы-то высокіе,
 Широги-то, какъ колобы, —
 Насидѣтся будетъ голодомъ;
 Свекровь-то презвѣдная,
 Говоритъ-то, какъ медвѣдь ревить,
 Она по полу бѣжить,
 Точно чертъ се несетъ,
 Ногамъ-то натопываетъ,
 Рукамъ-то нахлопываетъ.

Посадивъ невѣсту за столъ около младшаго ея брата, по правук
его руку, дѣвушки сѣли вокругъ стола.

Подѣхалъ поѣздъ къ невѣстиной избѣ, дружка выскочилъ изъ са-
ней и вошелъ на дворъ, гдѣ встрѣтилъ его братъ невѣсты со свѣчкой
въ рукахъ. Дружка поклонился ему и, перекрестясь, правилъ че-
ловѣкъ:

Господи, Іисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
 Государь-же ты, княгининъ друженька,
 Я тебя въ очи вижу, голосъ слышу,
 Не знаю какъ по имени звать,
 По отчеству величать?

— Александръ Николаевичъ, — отвѣтилъ братъ.

Дружка продолжалъ:

И остался князь молодой
 Въ чистомъ полѣ,
 Во широкомъ раздолѣ,
 Подъ бѣгучимъ облакамъ,
 Подъ частымъ звѣздамъ,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.
 Государь же ты, княгининъ друженька,
 Отведи-же сама сѣнницу,

Овса-житницу нашимъ конямъ;
 Поставь-же ты у нашихъ коней сторожатова;
 Сбереги меня на своей сторонѣ,
 Не заведи ты меня ни въ хлѣвъ, ни въ баню,
 Ни въ угольную яму;
 Укажи ты въ высокъ теремъ
 На частую дѣсенку.

«Милости просимъ!» сказалъ братъ невесты, растворивъ двери.
 Дружка вкочилъ въ избу:

Скокъ черезъ порогъ,
 Насилу дружка ноги переволокъ,
 И Богу молился,
 На всѣ стороны поклонился;
 Подошелъ къ отцу, къ матери:
 Господи, Иисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
 Государь-же ты, княгининъ батюшка,
Государыни, княгинина матушка!
 Я въ очи васъ вѣжу, голосъ слышу,
 Не знаю, какъ васъ по имени звать,
 По отчеству величать?

Невестины отецъ и мать сказали, какъ цѣзъ зовуть и величаютъ;
 дружка продолжалъ:

Обтаея князь молодой
 Въ чистомъ полѣ,
 Во широкомъ раздолѣ,
 Подъ бѣлчичимъ облакамъ,
 Подъ частымъ звѣздамъ,
 Подъ краснымъ солнышкомъ,
 Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.
 Меня послали, дружку,
 Скорымъ посломъ;
 А я, дружка, обернулся
 Яснымъ соколомъ,
 Передъ вашей милостью
 Добрымъ молодцомъ.
 Мнѣ приказали
 Челобитье отправить
 И челомъ вамъ править.
 Какъ васъ Господь Богъ милуетъ?
 А мы ѣхали Ангельскимъ чиномъ,
 Архангельскимъ путемъ,
 По батюшкиному велѣнью,
 По родительскому благословенью

— Чго у васъ сваты были?

Ой, вы, желтыя сопля,
Одутые носы,
Подопрълыя ноздри,
Толстыя лопатки
И..... запятки.

Увидѣвъ свазу, божатку невѣсты, дружка подошелъ къ ней:

Господи, Иисусе Христе, Сыне-Боже помилуй насъ!
Государыня, княгинина божатушка,
Въ очи вижу, голосъ слышу,
Не знаю какъ васъ по имени звать,
По отчеству величать?

— Анисья Ивановна!

И остался князь молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздолѣ,
Подъ-бѣгучимъ облакамъ,
Подъ частымъ звѣздамъ,
Подъ краснымъ солнышкамъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ
А мнѣ приказали
Челобитье отправить,
Челомъ вамъ править
И съ вашего здоровья
Опоясокъ справить.
Пожалуйте тряпичку—
Отъ народа отличку.

Ему подали опоясокъ, т. е. полотенцо въ аршина 4 слишкомъ длины, съ узорами и кружевами. Дружка надѣлъ его черезъ плечо, завязать концы и вышелъ изъ избы.

Во время челобитья, народъ хвалилъ дружку:

— Ай, да и дружка, молодецъ дружка, молодецъ!

Не всякій дружка умѣетъ такъ бойко и-долго править челобитье. И потому довольно рѣдки такіе дружки. Другой дружка войдетъ въ избы, перекрестившись, поклонится и скажетъ:

Остался князь молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздолѣ;
А меня послалъ
Челомъ вамъ править,
О здоровьѣ спрашать.
О себѣ сказать.
Пожалуйте опоясокъ!

Да прибавить

Я дружка младъ,
Больше не умѣю врать;
А старый дружка
Ухажь въ пучийню,
Шестери починивать.

Дружка, выйдя къ поѣзжанамъ, которые уже повывѣли изъ савей и оправлялись на дворѣ, сказалъ:

— Милости просимъ, князь молодой и гости честные, къ княгинѣ молодой въ избу хлѣба-соли кушать!

Попъ съ крестомъ въ рукахъ, дьяконъ, дружка, женихъ, тысяцкій и всѣ поѣзжане вошли въ избу. Попъ подошелъ къ столу; неvěста встала и, получивъ благословеніе, приподняла фату¹⁾, приложилась ко кресту и поцѣловала руку священнику. Послѣ неvěсты прикладывалась и вся ея родня. Попъ и дьяконъ сѣли на свои мѣста подъ божницу; а дружка началъ подчивать неvěстину родню, дѣвушекъ и весь народъ кроенымъ, т. е. пряниками и небольшими кусочками пирога; а отцу, матери и свахѣ (божаткѣ неvěсты), подаль по цѣлой кулебякѣ. Тысяцкій (божатко жениха), бывший сватомъ, подошелъ къ неvěстинуму брату, который былъ посаженъ подъ косу или, какъ говорятъ также *продать коосу*, чтобы женихъ выкупилъ у него свое мѣсто; вынулъ изъ шароваровъ кошелекъ и, кланяясь, сказалъ:

— Здравствуй, сватушка.

Положилъ на столъ передъ нимъ двугривенный; братъ молча отодвинулъ деньги. Тысяцкій прибавилъ еще мѣдью; братъ снова отодвинулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, сватушка, больно ты дешево цѣнишь мое мѣсто. Прибавь-ка еще.

Тысяцкій еще прибавилъ и выразилъ свое неудовольствіе:

— Довольно, довольно, свать, выходи.

— Нѣтъ, сватушка, мало; моя сестрица дороже стоитъ; прибавь-ка!...

— Экой, какой, — говорятъ, довольно! сердито сказалъ тысяцкій.

А народъ въ избѣ захохоталъ:

— Такъ, такъ, Вася, не продавай дешево своего мѣста! Небось, прибавить.

¹⁾ Въ этотъ день до самаго цѣлванья и при женихѣ неvěста была во все время покрыта фатой.

Дѣлать было нечего, тысяцкій еще прибавилъ гривенникъ и подвинулъ деньги брату, который, сосчитавъ ихъ, опять положилъ на столъ и сказалъ:

— Итъ, сватушка, какъ хочешь, а мало, — прибавляй-ка еще.

Поѣжился, поморщился тысяцкій; а прибавилъ и въ пятый разъ, сказавъ:

— Бери, не бери, а больше итъ тебѣ ни гроша.

— Ну что съ тобой дѣлать; скупъ, я вижу, ты, сказалъ братъ, вставая и обирая деньги. Прощай, сестрица! продолжалъ онъ, цѣдуя невѣсту. — Ну, сватушка, снова обратился братъ къ тысяцкому: давай конекъ, такъ и быть, выѣду изъ-за стола.

— Какой конекъ? спросилъ тысяцкій.

— Не пѣшкомъ же я пойду, сказалъ братъ, улыбнувшись, давай конекъ; то-ли дѣло на конькѣ!

Народъ въ избѣ засмѣялся:

— Не выходи безъ конька, не выходи.

— Худо сдѣлалъ, братъ, что не догадался взять приличный конекъ, сказали поѣзжане, которые стояли сзади тысяцкаго и жениха и ждали, когда онъ выкупитъ мѣсто, чтобы итъ самимъ выкупать свои мѣста и сѣсть на нихъ.

— Теперь, дѣлать нечего, дай ему еще гривну на мѣсть конька, да отвяжись отъ него.

Тысяцкій вынулъ гривну и подалъ свату. Онъ взялъ гривну и сказалъ, выходя изъ-за стола и кланяясь:

— Спасибо, сватушка! и шепнулъ народу: семь гривенъ только вы, просилъ.

Тысяцкій, выкупивъ женихово мѣсто, велѣлъ жениху садиться на него. Женихъ положилъ подъ шубу серебра и мѣди, чтобы богаче жить, сѣлъ на нее, подогнувъ подъ себя край невѣстинова платья.

Садится женихъ на платье невѣсты для того, чтобы быть наибольшимъ надъ женой. Сваха его тоже садится на ея платье и часто хватается за голову невѣсты для той же дѣли. Бойкая невѣста, сваха ея и часто подружки выдергиваютъ платье и даже, случается, связываютъ его около ногъ платкомъ, чтобы: «Хоть дома-то, въ своей избѣ, побольшичать».

Когда тысяцкій усадилъ жениха за столъ, то подошелъ къ отцу и къ матери невѣсты:

— Пожалуйте невѣстину руку.

Отець взялъ руку невѣсты, которая спросила его;

Ужь ты свѣтъ да сударь, батюшка,
Мое красное ты солнышко,
Тебѣ на что да снадобилася
Тебѣ моя да рука правая.

И молча передалъ тысяцкому. А тысяцкій взялъ руку жениха, соединилъ ее съ невѣстиной и обвилъ платкомъ. Подружки, которыя сидѣли за столомъ, въ-полголоса запричитали:

Ужь ты свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Ужь мы ставемъ тебя спрашивать:
Не утай, наша голубушка,
Ты не единова словечушка;
Ты скажи, наша голубушка,
Что не жметъ-ли чужій чуженець
Твоя да руки правыя
Ко перстевью ко злоченому;
Твоя да ноги рѣзвыя
Ко чулочку ко бумажному,
Ко башмачку ко сафьяному,

Невѣста тихо отвѣчала:

Ужь вы, свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Не могу я посудаčiti
На чужова-то чуженина,
Что не жметъ-ли чужій чуженець
Моя да руки правыя
Ко перстенью ко злоченому;
Какъ мою да ногу рѣзвую
Ко чулочку ко бумажному
Ко башмачку ко сафьяному.

— Во время причета поѣзжане выкупали у дѣвушекъ свои мѣста: одни сразу сходили съ нихъ, а другіе упряжились, просили болѣе, чѣмъ давали.

Когда были всѣ мѣста выкуплены и поѣзжане сидѣли уже за столомъ, двое изъ сосѣдей, дворовые этого села, подошли къ столу и сказали:

Невѣста у насъ ходила,
Тропу тропила.

Траву топтала;
Пожадуйте на мячъ.

— Сколько вамъ? спросилъ тысяцкій.

— Дай мнѣ цѣлковый, шепнулъ ему дружка; не будутъ приставать. Тысяцкій подалъ бумажку; сосѣди взяли ее и отошли. (На другой день они процили эти деньги).

Тогда младшая сестра невесты, Катя, стала разносить дары: жениху, дружкѣ и тысяцкому по хорошему бумажному платку, а другимъ поѣзжанамъ и попу съ дьяконѣмъ по простому полотенцу съ узенькими узорами. Такъ какъ дары невестины были хороши, то дружка и тысяцкій затрясли платками и сказали:

Наша невестка—
И ткаха, и пряжа,
И шелковица.
Не по лѣсу ходила,
Не шишки брала,
Не лыко драла,
Гкала да прила,
Про насъ, молодцовъ
Дары припасала.

Если бы дары были худы, то на-оборотъ не трясли бы платками, а, убравъ въ карманъ, сказали бы:

Наша невестка—
Не ткаха, не пряжа,
Не шелковица.
По лѣсу ходила,
Шишки брала,
Да лыко драла.

Послѣ даровъ начался обѣдъ: стали угощать поѣзжанъ. Невѣста, такъ же, какъ и женихъ, не должна была ѣсть цѣлый день. Во время стола подружки причитали отцу невесты:

Не спасибо тебѣ, родимый батюшка,
Мое красное ты солнышко,
Что посадилъ ты чужихъ людей,
Что чужихъ людей, незнаемыхъ,
За столы за дубовые,

1) Кожаный большой мячъ

За сѣатерки бранныя;
Ужь ты за хлѣбъ да за соль,
За кушанья хорошія.
Не узнали вы чужихъ людей;
Какъ вы они умошь, да разумомъ.
И какова роду племени;
Что не вамъ за нимъ жить будетъ;
Ужь какъ жить, да молодешенькѣ,
Ужь какъ жить, да зеленешенькѣ.
Живучи, у молодешеньки,
На чужой, на дальней сторонѣ,
На злодѣйкѣ на проклятой-то,
Разтоскуется сердечушко
Объ родимой-то сторонущкѣ.

И пѣли пѣсни:

Женѣ:

Благослови, Боже!
Свадьбу играть,
Свадьбу играть.
Благослови, Боже!
Василья женить
Свѣтъ Тихоныча.
Благослови, Боже!
Дизавету брать,
Свѣтъ Николаевну,
На честь, да на радость,
На долгой вѣкъ.

Тысяцкому:

Тысяцкѣй, честной человѣкъ,
Любишь ли ты
Три оденя ржи,
Три оденя-ржи?
То люблю, то и надобно.
Тысяцкѣй, честной человѣкъ,
Любишь ли ты
Трехъ сыновей,
Трехъ сыновей?
То люблю, то и надобно.

Дружкѣ:

Друженька, честной человѣкъ,
Честной человѣкъ;
Ходитъ друженька по полу,
По полу;
У него вухья-то шубка до земли
До земли;

Надъ вѣмъ Божья-то милость до небеси,
До небеси,

Попу:

Любишь-ли, батюшка,
Стадо коровъ,
Стадо коровъ,
Десять быковъ?
То люблю, то и надобно.

Прочимъ потѣжанамъ поименно, женатымъ:

Ивану Яковлевичу (*важному дядь*):

Шелкова ниточка
Къ стѣнкѣ льнетъ,
Къ стѣнкѣ льнетъ;
Иванъ Александрюшку
Къ сердцу жметъ,
Къ сердцу жметъ.
Ахъ душка, женушка,
Александрюшка,
Александрюшка!
Принеси ты мнѣ сына,
Какъ и у тебя,
Какъ и у тебя;
Принеси ты мнѣ дочку,
Какъ ты у меня,
Какъ ты у меня.—
Мы сына-то
Выучимъ грамотъ,
Выучимъ грамотъ;
А дочку-то выучимъ
Въ пальцы шить,
Въ пальцы шить.

Холостымъ, двоюроднымъ братьямъ:

Николаю:

Николая мать снаряжала,
Снаряжала;
Ему гривну въ платъ завязала,
Завязала.
Ты поѣдешь, дитятко, на свадьбу.
На свадьбу;
Тебѣ стануть дѣвушки пѣсни пѣть,
Пѣсни пѣть.
~~Такъ маде дѣвушекъ за пѣсни дарить~~
За пѣсни дарить.

Свахѣ (божаткѣ невесты):

У насъ свахонька хорошенькая,
Хорошенькая;
У насъ свахонька пригоженькая,
Пригоженькая;
Безъ бѣлыя сваха бѣлехонька,
Бѣлехонька;
Безъ румяныя румянешенька,
Румянешенька.

Наконецъ причитали жениховой свахѣ, которая сидѣла возлѣ невесты по правую ея руку:

Ужь ты, свѣтъ, сваха прѣзжая,
Дорогая, честна гостенька,
Ты скоро да обуркалася,
Ты близко да подвигаешься,
Ты родней да называешься.
Ты садись, сваха прѣзжая,
Дорогая, честна гостенька,
Ты садись да помалешеньку,
Ты садись да потихошеньку:
Не хватайся-ко ты, свахонька,
За мою да за русую косу;
Во моей да во русской косѣ
Три ножа да три булатные,
Не обрѣжь-ка ты, свахонька,
Ты свои тѣ руки бѣлыя
О мою да русую косынку.
Не зажай-ко ты, свахонька,
Моего платья цвѣтнаго;
Какъ мое-то платье цвѣтное,
Не на посадь да мнѣ садиться,
Подъ вѣнецъ да становиться.

Женихъ и тѣ изъ поѣзжанъ, которымъ дѣвушка пѣла пѣсни, дарила ихъ деньгами: копѣйки по 3 по 5 и болѣе.

За столомъ поѣзжане не долго сидѣли и не много ѣли: берегли свой аппетитъ для княжого стола. Вышли и помолились Богу; женихъ и невеста, стоя рядомъ, въ одно время клали земные поклоны. Родные, какъ жениха, такъ и невесты, слѣдали за этимъ.

— Вѣстѣ, вѣстѣ, кричали оно, жить дружбае, согласитѣ будуть.

Женихъ и невеста поклонились три раза въ землю отцу и матери невесты, которые благословили ихъ образомъ и хлѣбомъ

Дружка взялъ руку жениха, а онъ невѣсты, покрытой фатой, и, пропустивъ впередъ свещеннаго съ дякономъ, вышли изъ избы; за ними и всѣ поѣзжане: женихова и невѣстинна родня. — Стали въ сани; въ первый: дружка и тысяцкий; во второй: отецъ, женихъ, дяконъ и большой барникъ; въ третий: невѣста, сваха (божатка ей) и повозникъ, и въ остальные — прочіе поѣзжане по старшинству. Саней было 9 при 12 лошадяхъ: у жениха тройка, украшенная розовыми лентами; у невѣсты пара, а у прочихъ поѣзжанъ по одной. Дружка обошелъ вокругъ 3 раза поѣздъ съ образомъ, засунулъ его до половины за пазуху и сѣлъ въ свои сани, безъ шапки. Тряхнулъ возжами, лошадь тронулась, — а за нимъ и весь поѣздъ двинулся. Еще остались двое саней для приданнаго невѣсты и для ея отца и матери, которые, не много погодя, отиравились прямо въ село къ жениху и тамъ остановились на время въ чужой избѣ.

Поѣздъ ѣхалъ довольно тихо, особенно когда проѣзжалъ деревней или селомъ. Народъ выскакивалъ изъ избъ и кричалъ:

«Сварьба, сварьба!...»

Подѣхали къ церкви, отецъ и дяконъ ушли домой, а дружка и невѣстинна сваха повели жениха и невѣсту въ церковь, — за ними пошли и всѣ поѣзжане.

Черезъ полчаса, когда пришелъ дяконъ, съ невѣстиной и жениховой стороны подходили по два человека къ нему зашепеляться:

Наконецъ пришелъ и священникъ, принявъ присягу отъ поѣзжанъ, что нѣтъ между женихомъ и невѣстой ни родства, ни кумовства, ни крестнаго братства — и началъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья дружка, притащивъ въ церковь сундукъ съ кроеномъ: съ пирогами и пряниками, сталъ разносить его дѣвушкамъ, бабамъ и молодцамъ, которыхъ была чуть не полная церковь. Народъ, получивъ кроеное, тутъ же въ церкви и сѣдалъ его.

Обвѣнчавшись, молодые отслужили молебенъ, стоя въ вѣнцахъ. Вѣнцы на головахъ были такъ укрѣплены, что ихъ никто не подерживалъ. После молебна молодые, рука за руку, вышли изъ церкви и сѣли въ сани молодого. Когда всѣ уѣхали, — поѣздъ тронулся.

Я забылъ сказать, что после вѣнчанья могутъ оставаться вѣнцы на головахъ молодыхъ только тогда, когда священникъ приглашенъ на свадьбу.

Приѣхали въ село къ избѣ молодого; отецъ съ фонаремъ, а мать съ деревянной чашкой въ рукахъ вышли на вѣздъ и встрѣтили молодыхъ. Въ чашкѣ находился овесъ, которымъ мать, проводивъ священнаго съ

крестомъ и дьякона, бросала въ лицо молодыхъ, чтобы они богаче жили. Вѣщцы звенѣли отъ овса, а молодые, боясь засорить глаза, закрывали ихъ. Она бросала овсомъ до тѣхъ поръ, пока молодые не поднялись по взѣзду на дворъ.

Войдя въ избу, священникъ, послѣ молебна, снялъ съ молодыхъ вѣщцы, и они, получивъ отъ отца и матери благословеніе, поцѣловались съ ними. Вся родня молодой также здоровалась съ отцемъ и матерью молодого, которые, собразавъ шубы у поѣзжанъ, заперли ихъ въ чуланъ.

Молодыхъ со свахой молодой увели въ кутъ за перегородку и посадили за столъ; поцѣлывали ихъ, и хозяйка, мать молодого, стала поить ихъ чаемъ и кормить. А хозяинъ усадилъ родню молодой в попа съ дьякономъ за столы, которые стояли поперекъ избы; а вдоль избы княжій столъ; поднесъ всемъ по рюмкѣ водки и вынесъ изъ кути на большомъ подносѣ чашки съ чаемъ, да сахарницу съ сахаромъ и кринку молока. Рѣдко случается, что чай подаютъ на подносѣ. Выпивъ по чашкѣ, по другой чаю, поѣзжане поблагодарили хозяина и стали разговаривать между собой; а молодые за перегородкой съ аппетитомъ ѣли булки съ чаемъ, кислые щи съ говядиной, любимое кушанье крестьянъ, да сладкіе пироги. Когда они переодѣлись, молодой надѣлъ старыи сюртукъ, а молодая шерстяное платье, ихъ вывели изъ кути на середину избы и послали за отцемъ и матерью молодой. Пришли старики. Молодые приняли ихъ, какъ гостей: Первый подошелъ къ нимъ отецъ и, поклонившись, поцѣловалъ ихъ; за нимъ мать и все поѣзжане по старшинству: сперва братъ, сестра, дяди и прочая родня молодого, а потомъ братья и сестры молодой и остальная ея родня. Кромѣ того, подходили постороннія: бабы и старухи этого села. Всякій, цѣлуя ихъ, поздравлялъ съ законнымъ бракомъ и желалъ: кто—вѣкъ жить да здравствовать, кто—жить да богатѣть, а кто—дѣтокъ кудрявыхъ.

КНЯЖІЙ СТОЛЪ.

Когда дружка взялъ за руку молодого, а онъ молодую, и повелъ ихъ за столъ; то поцѣлывалъ дьяконъ и все гости стали занимать свои мѣста. Дружка разрезалъ свадебный пряникъ на мелкіе куски, подалъ молодымъ среднюю часть пряника, на которой изображенъ россійскій орелъ, и сталъ раздавать кроеное молодова князя и молодой княгини, по кусочку и по два каждому изъ гостей.

За столомъ сидѣло 50 человекъ: Было три стола, рядомъ постав-

ленные и покрытые одной брашною скатертью. На двухъ стѣнахъ избы висѣло 18 красивыхъ полотенецъ, и кромѣ того почти ~~каждымъ~~ тремъ изъ гостей дано было по простому *руковернику*, имѣето, салфетою, утирать руки и губы.

Прежде всего поданы были кулебяки. Молодые встали и, кланяясь на все стороны, просили кушать; а дружка и хозяйинъ съ графинами въ рукахъ и довольно большими стаканами начали подчивать водкой гостей и не отходили до тѣхъ поръ, пока каждый не вынулъ своего стакана, женщины не обносили.

Каждый гость вставалъ и говорилъ: «Много лѣтъ здравствовать, да богатѣть!»

И между прочимъ, попробовавъ водки прибавлялъ:

— Ну, князь молодой и княгиня молодая, пить не можно; больно горько, — нельзя-ли подсластитъ?

Молодые цѣловались.

Ну, вотъ теперь и слаще, и нить-то гораздо пріятнѣе!

Допивалъ до половины стакана, останавливался и глядѣлъ въ него.

— Что за притча? До сѣхъ поръ (показывалъ пальцемъ,) нить было сладко, а тутъ, словно горечь, — въ ротъ не можно взять. Стаканъ-то велкъ; а вашъ-отъ поцѣлуй, видно, былъ плохъ: не все вино подсластилось.

Молодые снова цѣловались и, кланяясь, говорили:

— Кушайте на здоровье!

А другой, сунувъ въ старинъ черешекъ ложки, вставалъ и говорилъ:

— Молодые! пить не можно: напоршилось, — нельзя-ли вынуть порошокъ?

Молодые цѣловались и кланялись ему.

— Вотъ спасибо! А позволь спросить, князь молодой, кого ты цѣловалъ?

— Лизавету Николаевну, улыбаясь, отвѣчалъ молодой.

— А ты, княгиня молодая, кого цѣловала?

— Василия Тихонича, отвѣчала она, и краснѣвъ.

— Ладно! сказалъ тотъ, который спрашивалъ, и выпивъ водку, опрокидывалъ стаканъ:

— За ваше здоровье, князь молодой и княгиня молодая, весь то шанди осушилъ.

Другіе гости, заставляя молодыхъ цѣловаться, спрашивали ихъ что они дѣлали:

— А что, княгиня молодая, что сейчас взволнла ты дѣлать?

— Цѣловала, отвѣчала молодая.

— А кого ты цѣловала?

— Василия Тихоныча.

— Ладо, а я и не видѣлъ, какъ ты его цѣловала, говорилъ тотъ, кто спрашивалъ; дѣловипсь-ка съ нимъ еще разокъ.

Молодые крѣпко цѣловались.

— Теперь вижу, что сладко цѣловала.

Послѣ кулебякъ подали студени и груды хлѣба, потомъ щи съ говядиной, — ушну, жаркія: середку баранины, начиненную овсяной крупой и плечо также баранины, начиненное яйцами (середка и плечо были превосходно приготовлены); послѣ жаркихъ пироги, чудный коровалъ съ курицей и говядиной, большой круглый пирожекъ со пшеномъ, любимый крестьянами, такой-же съ яйцами, съ черницей, обмазанный сверху медомъ, съ малиной, съ корникой, съ изюмомъ и послѣдній съ винными ягодами.

За каждой переменной молодые вставали и, кланяясь, просивъ всѣхъ кушать; а хозяйки и дружка не на шагъ не отходили отъ стола и не переставали до самаго конца обѣда цѣловать гостей; только страшные стаканы по просьбѣ гостей были замѣнены рюмками. Кроме того, двѣ енды безпрестанно епрастывались и снова наполнялись цивомъ.

Когда вино стало брать верхъ надъ поѣзжанами, то они, сдѣлавшись гораздо веселѣе, стали чаще одинъ за другимъ и часто по два вдругъ заставляли молодыхъ цѣловаться. Бѣдные молодые не успѣвали садиться, — то и дѣло, что вставали и цѣловались. Сотни разъ пришлось имъ подсаждать вино и вынимать порошки.

Подъ конецъ стола гости сѣли цѣловаться и со своими женами по просьбѣ другихъ. И другой старикъ отъ Христова до Христова дня не поцѣлуется со своей старухой, а тутъ десятокъ разъ пришлось поцѣловать гостей. Молодой народъ не могъ не хохотать, видя какъ старикъ цѣлуетъ старуху. Заставляли также цѣловаться и молодыхъ бабъ съ чужими мужьями, а дѣвушекъ — съ молодцами. Звонкій смѣхъ подгулявшихъ гостей раздавался по нѣтъ, когда дѣвушка, красяся, тивулась черезъ столъ цѣловать или молодца, или женатаго, или старика съ едой бородой.

Когда дѣвушка или молодая баба не ѣла, потому что была сыта, то другіе замѣчали вслухъ:

— Экъ, какъ губники-то *) нахваталась, и широгъ въ горло не йдетъ: а цѣловаться-то, поди, не прочь; видно, губники-то слаще пи-роговъ.

Не минована этихъ губишквъ и сама хозяйка, которая въ кутѣ обмазывала медомъ пироги и подзвала ихъ на столъ. И ее не разъ требова-ли къ столу, и хозяйка, вытирая о фартукъ руки, подходила къ мужу и цѣловала его.

— Врешь, врешь, худо!—еще разъ!

— И у меня горько.

— А у меня порошокъ, — кричали гости.

И хозяйка, разъ десятокъ поцѣловавъ мужа, убѣгала въ куть.

— Стряпуху, стряпуху сюда! зачѣмъ пироги некла хорошо!— снова кричали гости.

И хозяйка снова являлась. И почти каждый изъ гостей лѣзь цѣловать ее,

— Пусть хозяйинъ-то поглядываетъ, а я тебя цѣловну, — говорили они.

Благодаря старанію хозяйина, дружки и хозяйки, гости до-сыта на-ѣлись и до пива напились; въ началѣ подавали по три пирога на столъ и почти съѣдали ихъ, а въ концѣ и сладкіе да по одному, — и то оста-вался куски и объѣдки, которые большими чашками уносили въ куть.

Наконецъ столъ кончился; онъ продолжался съ 11 часовъ вечера и до половины пятого утра, т. е. 5 часовъ съ половиною. Я забылъ сказать, что въ началѣ стола дѣвушки и бабы этого села пѣли молодымъ пѣсню.

Василій Тихоничъ
Гулялъ по чистой поля,
Загнѣлъ въ зеленый садъ:
Приломалъ въ саду вишеню.
Винограды зеленые;
Изловилъ соколиночку,
Душу красную дѣвицу,
Лизавету Николаевну.
Ровню свѣтъ она блещенью
Алый цвѣтъ румянешенька.
Не въ саду-ли, мой свѣтъ, выросла?
Не въ виноградѣ-ли вывѣла?
Я росла, росла у батюшки,
У родимой у матушки.

*) Поцѣлуй.

У соколовъ, милыхъ братцевъ,
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ.

Когда вышли гости изъ-за стола, то, казалось, что поклонамъ и поцѣлуямъ гостей и хозяевъ не будетъ конца. Попъ и дьяконъ, выйдя изъ-за стола, простились и уѣхали.

Хозяинъ ириесъ молодымъ, которые оставались за столомъ, два большихъ графина сладкой водки, маленькую рюмку на подносѣ и тарелку и поставилъ на столъ. Молодой, наливъ рюмку вина, кланялся вмѣстѣ съ молодой; просялъ ей родню, а потомъ свою, подходитъ къ столу, выкушать у молодыхъ рюмку вина и проститься съ ними. Каждый изъ гостей подходилъ, желалъ: кто — ночкики спокойной; кто — приятно спать, да весело встать; выпивалъ вино и клалъ на тарелку деньги.

Когда все простились съ молодыми, дружка и сваха (божатка невесты), повели ихъ изъ избы въ холодный чуланъ, гдѣ была приготовлена для нихъ постель и гдѣ такъ было холодно, что невозможно было пробыть нѣсколько минутъ въ сюртукѣ. Дружка началъ раздѣвать молодого, а сваха молодую. Онъ не снялъ съ молодого только сапоговъ, которые должна была снять молодая.

— Позвольте разуть, — сказала она, клаясь и бранясь.

— Разувайте, — отвѣчалъ молодой, сидя на кровати и протянувъ ноги.

Молодая нагнулась, сняла съ правой ноги сапогъ и выронила изъ него серебро, которое молодой, собираясь къ вѣнцу, положилъ для того, чтобы жить богато. Снявъ другой сапогъ и подобравъ деньги, молодая отдала ихъ свехѣ.

Молодой въ это время легъ и закрылся одеяломъ.

— Проспись, сказала сваха молодой, — кланяйся, да пониже.

Молодая подошла ближе къ кровати, низко поклонилась и сказала:

— Василий Тихонычъ, примите въ товарищи.

Онъ молчалъ.

— Василий Тихонычъ! опять начала молодая просить.

Онъ все-таки молчалъ.

— Проси хорошенько, — сказала сваха.

— Василий Тихонычъ! а Василий Тихонычъ!... чуть не до земли кланяясь, провила молодая.

Но Василий Тихонычъ удержался.

Молодая-дрожала отъ холода!

— Подойди поближе, — сказала сваха.

Молодая подошла ближе. И, открывъ пѣсколько одѣяло, снова сказала:

— Василій Тихоничъ, будьте такъ добры, приците въ товарищи. Онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на молодую и сказалъ:

— Милости просимъ, радъ товарищу!...

Сваха закрыла одѣяло, а дружка принесъ небольшую пуховую погелъ и накрылъ ею молодыхъ.

— Спице съ Богомъ, — сказали сваха и дружка, и прибавили такія слова, которыхъ нельзя напечатать, и ушли изъ чулана.

Мы вошли въ избу, гдѣ одни гости, не раздѣвшись, расположились спать по лавкамъ и по полу; другіе забрались на печку, на полати; но третья партія гостей вовсе не думала о снѣ, не смотря на то, что уже разсвѣтало, она распѣвала пѣсни и забавлялась игрой на гармошн. Наконецъ — она уснула тамъ, гдѣ сидѣла. Бабы и дѣвушки спали на полу въ куті. Послѣ всѣхъ легли хозяинъ и хозяйка.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ВЪИЧАНЬЯ.

Не долго спали гости, особенно хозяева. Прежде всѣхъ встала хозяйка и затопила печку. Въ 9-ть часовъ всѣ уже были на ногахъ кромѣ молодыхъ. Умывшись и помолившись Богу, гости съѣли завтракъ: хозяйка подала щей, студени и остатки пироговъ. Тотчасъ послѣ завтрака мать, сестра и братъ молодой уѣхали домой: имъ нужно было приготовить *отіостки*, т. е. почти такой же обѣдъ, какой былъ у молодыхъ; дружка же и сваха пошли будить молодыхъ.

Дружка подошелъ къ кровати и громко сказалъ:

— Эй, молодые, вставать пора!

Они проснулись.

— Съ пріятной ноченькой, князь молодой и княгиня молодая! — сказалъ дружка, кланаясь и улыбаясь.

— Спасибо, дружка! — поблагодарилъ молодой, вставая съ постели.

Дружка сталъ одѣвать его, а сваха — молодую. Дружка, одѣвая молодого, спрашивалъ его на ухо; тотъ отвѣчалъ ему чуть слышно. Почти тоже спрашивала и сваха молодую, какъ послѣ я узналъ... Дружка и сваха ввели молодыхъ въ избу, гдѣ гости, усѣвшіе уже опохмѣлиться, громкимъ ура! встрѣтили молодыхъ и поздравляли кто съ пріятной, а кто съ счастливой ноченькой.

Молодые, войдя въ избу, поздоровались съ отцемъ, съ матерью и со всѣми родными и сѣли на лавку.. Немного погодя, сваха подала дружкѣ вѣникъ съ дарами: бумажнымъ платкомъ. Дружка подошелъ къ молодымъ и сказалъ: «Пожалуйте въ баню»; и первый пошелъ изъ избы съ вѣникомъ подъ мышкой; за нимъ рука за руку молодые; а сваха, держа въ рукахъ чистую рубашку и платье, заключила шествіе.

Баню, по просьбѣ хозяйевъ, топили два молодца этого села.

Когда молодые были въ банѣ, въ избѣ гости: дѣвушки и молодыя бабы бѣлились и румянились; лучше сказать, мазались передъ зеркаломъ: натирали на свои лица цѣлые слои мѣлу и раствора краснаго сандала. Молодцы шутили, заигрывали съ ними и отпымали бѣлила и мазила, чтобы также выпачкаться.

Въ другомъ, болѣе дальнемъ приходѣ, Янгосирѣ, случается, что въ это время выбѣгаетъ холостой братъ молодова съ помеломъ въ рукахъ и, бѣгая по деревнѣ, кликаетъ: «бѣлиться, мазаться! бѣлиться, мазаться!» Кто выглянетъ въ окно или выскочитъ изъ избы, того безъ всякой церемоніи бѣлитъ и мажетъ помеломъ, выпачканнымъ сажей.

Молодые недолго мылись; одѣлись съ помощью дружки и свахи и пришли въ избу. Отецъ и мать благословили ихъ и поцѣловались съ ними. Сваха (божатка молодой) стояла возлѣ молодыхъ и держала дары. Молодая взяла у ней двѣ рубашки и два платья, подала ихъ свекру, свекрови, деверю и золовкѣ и сказала, кланяясь:

— Батюшка и матушка, и ты, милый братецъ и сестрица, примите отъ меня подарки.

— Спасибо, дочка любезная! — сказали старики.

Молодая упала въ ноги имъ и сказала:

— Благословите, батюшка да матушка, за работу приниматься.

— Богъ благословитъ! принимайся въ добрый часъ. да во святое! — сказали старики, подымая ее.

Дружка въ это время принесъ большую круглую корзину и сказалъ, улыбаясь:

— Молодая, нашески цѣлый цестерь б. новъ, тогда узнаемъ, что ты за работница!

Всѣ въ избѣ разсмѣялись.

— Хорошо! — отвѣтила молодая, также улыбувшись. Она знала, что дѣлать. Пошла къ печи, гдѣ уже готовы были сковорода, масло и

опара и начала печь. Испекла одну сковороду блиновъ ¹⁾, опрокинула пестерь, положила на каждый уголь по блину и на среднюю патыи и сказала:

— Вотъ тебѣ, дружка, и пестерь блиновъ.

— Догадлива, — сказалъ дружка и незаметно укралъ у молодой подмазь (въ Петербургѣ называютъ мазилкой); а тысяцкій, зная это, — сковородникъ. Молодая, видя, что итъцъ ни подмаза, ни сковородника, спросила: «кто взялъ?» Дружка, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Нови давай, молодая!

— Выкунай, — прибавилъ тысяцкій.

Молодая несколько покраснѣла и, улыбаясь, выкупила подмазь и сковородникъ, т. е. поцѣловала дружку и тысяцкаго.

— Случается, что другая молодая, не зная, какъ цѣлый огромный пестерь навечь блиновъ, задумается и, боясь на первыхъ порахъ ослушаться дружки, начнетъ печь блины и класть въ пестерь. Она печетъ, а дружка и всѣ въ избѣ закатываются со смѣху. Молодая краснѣетъ и продолжаетъ печь блины, поглядывая на страшный пестерь. Наконецъ, дружка сжалится надъ ней, остановитъ ее и разъяснитъ, въ чемъ дѣло.

Подобныя задачи довольно рѣдки; ихъ придумываетъ болѣе проворный и находчивый дружка.

Молодая наша, выкупивъ подмазь и сковородникъ, отошла отъ печки, а свекровь стала продолжать печь блины и подавать ихъ на столъ, гдѣ молодые угощали ими всѣхъ гостей. Каждый пододвигалъ къ столу, съѣдалъ два-три блина, клалъ на тарелку деньги и свалилъ молодую за нихъ. За блины кладутъ больше серебромъ; если итъцью, то никакъ не меньше пятачка.

Послѣ блиновъ согрѣли самоваръ, и молодые и всѣ гости напились чаю, закусили и стали собираться къ тещѣ и тещѣ на отгостыи (отгашивать). Прежде всѣхъ удали оставшіеся родные молодой; а около сумерекъ отпрятлились и молодые и все родня молодого.

¹⁾ Эти блины въ родѣ оладій; ихъ также называютъ крестьяне олашками. Маленькихъ сковородокъ у нихъ нѣтъ, и потому они пекутъ ихъ на большой сковородѣ.

ОТГОСТКИ.

Когда пріѣхали молодые, то обѣдъ у тестя и тещи былъ уже готовъ. Часа два прошло въ разговорахъ за чаемъ; потомъ уже стали подавать кулебяки, студени и т. далѣе; такія же кушанья и такіе же пироги, какія были за книжнымъ столомъ; только каждаго кушанья было приготовлено гораздо менѣе. За столомъ сидѣло 30 человекъ: молодые и почти одна родня молодого. Кромѣ извѣстныхъ намъ блюдъ, подали овсяный кисель съ молокомъ. На него сосѣдка моя заставила меня обратить особенное вниманіе. Она шепнула мнѣ:

— Глядите, какъ молодой почитетъ кисель.

Только что кисель былъ поданъ на столъ ближе къ молодому, гости, улыбаясь, устремили свои глаза на него. Молодой осторожно поднятъ ложкой съ краю пѣнку съ киселя, попробовалъ его и слова закрылъ пѣнкой. Этимъ онъ показалъ, что молодая была чиста, непорочна до замужества. Если бы онъ оставилъ кисель открытымъ, то этимъ далъ бы знать, что она потеряла раньше свадьбы свою невинность. Молодая въ это время, потупивъ глаза, краснѣла.

На отгосткахъ кутили почти до свѣту, также какъ и у молодыхъ за княжимъ столомъ: то же было веселье, та же была, на нашъ взглядъ, простота и также много цѣловались молодые и все гости, т. е. подслащали вино и вынимали порошки.

Такъ какъ на отгостки собралось много дѣвушекъ и молодцовъ изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень и селъ, то они, собравшись въ одну избу, завели посидѣлку и гуляли въ ней до тѣхъ поръ, пока молодые и родня ихъ не кончили обѣда; въ два часа ночи посидѣлка перешла въ избу къ молодымъ, чтобы потѣшить, позабавить ихъ. Нѣкоторыхъ молодцовъ и дѣвушекъ, отъ имени молодого и тайкомъ отъ другихъ, угостили водкой; и веселье стало въ полномъ смыслѣ этого слова: смѣхъ, хохотъ, пляски, голубовыя и плясовыя пѣсни, игры на гармонии и лудкѣ, въ одно время раздавались въ избу; такъ сказать, все это сливалось вмѣстѣ. Посидѣлка была для молодыхъ, которые также пѣли пѣсни, плясали, ходили парочками, вмѣстѣ и порознь съ другими. На другой день свадьбы, т. е. на отгосткахъ, молодымъ еще позволяется гулять на посидѣлкѣ, а послѣ уже, говорить, не хорошо, — не пристойно: останавливаютъ и осуждаютъ.

На другой день послѣ отгостковъ молодые ходили къ баринѣ мо-

лодого на поклонъ; она приняла ихъ ласково, подарила молодой ситцу на платье и сказала, что не будетъ забывать ее.

ПЕРЕГОСТКИ.

Черезъ недѣлю молодые и родня молодого опять прѣхали къ тестю и тещѣ на *перегостки* (перегашивать), и также долго кутили за столомъ. На перегосткахъ церемоній было гораздо меньше, и кушанья были проще. Замѣчательно только то, что на перегосткахъ подали на столъ почти цѣлаго жаренаго барана, который обыкновенно подается собственно для однихъ молодыхъ. Но они, какъ не просили, не кланялись тестю и тещѣ, а не могли исполнить ихъ просьбы. Рѣдки вышѣ такіе богатыри, которые съѣдали бы вдвоемъ цѣлаго барана, хотя крестьяне и называютъ себя *большими брюшниками*. При мнѣ былъ только одинъ примѣръ, что молодые на голодный желудокъ съѣли небольшого барашка.

И такъ, свадьба сыграна. Если бы она, какимъ грѣхомъ, послѣ праскиныхъ силннхъ не состоялась, и это зависѣло бы отъ жениха или его родни, — то имъ пришлось бы заплатить за безчестье 15, 20 и болѣе рублей, смотря потому, богатый или бѣдный женихъ сватался. Если же на смотринахъ невеста не понравится жениху или его роднѣ, то отецъ скромно объявляетъ: что она ему всежь любя, да только хорошей скруты у ней мало, а за сына его и съ гольемъ, т. е. съ деньгами, любую отдадутъ. Невѣстиной роднѣ также легко отказать; у нихъ одна отговорка, что имъ некуда снѣшить: невеста еще молода.

В. АЛЕКСАНДРОВЪ.